

Маги начинают и выигрывают

ЕЛЕНА МИР
ЕЛЕНА СОЛОВЬЕВА

ТОЧКА
ИСКАЖЕНИЯ

Annotation

Еще вчера Эйлин была обычной школьницей, а сегодня она — студентка Академии магии. Кто же мог подумать, что парень, разбивший ей сердце, опять ворвется в ее жизнь? Как справиться с вновь вспыхнувшими чувствами и разобраться, причастен ли бывший возлюбленный к жестокому убийству, которое потрясло академию? У Эйлин есть ровно семь дней, чтобы найти ответы на вопросы.

Елена Лир, Елена Соловьева
Точка искажения
Роман

© Е. Лир, 2017

© Е. Соловьева, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Часть первая

Песок в часах по-змеиному шипел, подгоняя и мешая сосредоточиться. Эйлин вздохнула и сильно надавила пальцами на потяжелевшие веки.

— Госпожа Лавкрофт, если не готовы к зачету, так и скажите. Не задерживайте остальных.

— Нет-нет, все под контролем.

Эйлин не считала себя выдающейся иллюзионисткой, по крайней мере пока, но миражи из солнечного света обычно получались у нее с первой попытки. Почему сегодня не удастся, непонятно. Может, переволновалась? Неуверенность царапнула изнутри. Студенты за спиной зашептались, и Эйлин разозлилась: мало что поддержки от них не дождешься, так еще и мешают.

Она зачерпнула в пригоршню пыльных солнечных лучей, падавших цветным узором из витражного окна, вытянула руку перед собой и плавно растянула свет в полосу.

Раз. Два. Три.

В воздухе замаячил размытый золотистый силуэт. Он быстро рос, превращаясь в удивительно красивого ребенка, похожего на ангелочка.

Лица экзаменаторов смягчились. Менталисты — что с них взять. Эйлин облизала пересохшие губы и занялась деталями. Идею по очарованию комиссии подкинул, кстати, куратор.

Дело шло хуже, чем на тренировках: иллюзия не подчинялась, норовив рассеяться. Может, потому что Эйлин сомневалась в существовании ангелов?

Наконец ей удалось вернуть контроль. Образ «оживал». На лице малыша заиграла улыбка, добрая, с хитрецей. Иллюзия пахла медом. Странно. Наверное, за Пиковым поясом, окружившим академию по периметру, все еще цвел вереск...

— Сконцентрируйся!

Голос преподавателя по общей иллюзии, господина Зоркина, отвлек от мыслей о бесконечных полях, щемящая тоска, на которой сконцентрировалась Эйлин, уступила место раздражению. Она перевела взгляд на куратора, и тот вскочил, прикрыв рот ладонью.

Лучшие иллюзии создавались из энергии. Новичкам в качестве дополнительных ресурсов предлагалось использовать собственные наиболее сильные чувства. И в этом Эйлин дала бы сто очков вперед любому: ее болезненной неудовлетворенности реальностью хватит на миражи всех студентов факультета вместе взятых. Но не сегодня. Не сейчас.

Ангел вздрогнул, потеряв контакт с хозяйкой. Милая мордашка обезобразилась, из пухлого ротика вывалился толстый раздвоенный язык, землисто-серый, похожий на мертвую змею. В огромном зале раздался хлопок, созвучный со взрывом неправильно установленного фейерверка: иллюзия разлетелась на мириады крупиц света, заполнив сиянием все вокруг. Глава комиссии, господин Жильбер, истинный спартанец в выказывании хоть малейшего одобрения, постучал ручкой по графе с именем Эйлин.

— Да-а, — протянул он, — не знаю... Будем считать — зачтено. Но если бы ставил оценку, не уверен, что вы дотянули бы до удовлетворительно. Мало, мало работаете, госпожа Лавкрофт...

Эйлин открыла рот, чтобы возразить, но господин Зоркин опередил ее. Виногато улыбнувшись, он тронул профессора Жильбера за рукав:

— Она у меня лучшая.

— Хм. Кто же тогда худший? Здесь, позвольте напомнить, Академия магии Аттикара, а не приют для обездоленных.

На этом мучения закончились. Эйлин схватила сумку, кисло улыбнулась растерянному наставнику и, высоко подняв голову, вышла в коридор.

Руки дрожали. Ну, зачем? Зачем она согласилась на чертова ангела? Придумала бы что-нибудь попроще... А все этот Зоркин с его похвалами.

— Обломалась наконец?

Вопрос прозвучал ехидно, с надменностью, присущей лишь истинным магам голубых кровей. Рихард Гесс, который сдал зачет первым и остался понаблюдать за мучениями одnogруппников, видимо, не удержался и вышел следом. Неудивительно: врагами они стали чуть ли не с первых дней. Началось с того, что Эйлин проголосовала против его кандидатуры на пост старосты курса: не вызвал у нее симпатии напыщенный коротышка, похотливо пялящийся на зад каждой девчонки в зоне видимости. Позже Гесс испортил ей эксперимент в лаборатории, но Эйлин на него не пожаловалась — надеялась таким образом помириться. Зря. Рихард начал постоянно придирааться, по поводу и без, — наверное, истолковал ее молчание как проявление слабости.

Последней каплей стал тот случай, когда к Эйлин подошла Лири Вертиго, тогда еще малознакомая студентка, из зельеваров, и попросила передать парням-менталистам записки. Откуда же Эйлин могла знать, что согласилась распространить «липовые» приглашения от Рихарда Гесса на оргию — только для мальчиков и игнарусов...

Вряд ли он теперь отвяжется.

— Отвали! Прокатило твое авто, вот и радуйся, — сказала она.

Благородный титул не помешал Гессу купить у старшекурсника автоматическую иллюзию античной скульптуры для зачета, а уж человека такие «умники», как Рихард, могут создать только в мечтах. Ясное дело, он бесился.

Эйлин не любила тратить драгоценное время на пустые разговоры с теми, кто знает меньше, и в другой день, пожалуй, вернулась бы в аудиторию, подальше от беды. В школе она умела постоять за себя только постфактум, сотни раз представляя досадную ситуацию и переигрывая роли; Эйлин часто проглатывала обиды, хотя в мыслях давала отпор, остроумно унижая противника. Но школьные годы позади, прошлое осталось в другой жизни, и здесь, в сыром коридоре, после провала на последнем в списке осеннем зачете...

— Кого хотела ребенком разжалобить? — продолжил язвить Гесс. — Или о своем мечтаешь? Могу помочь.

— Ты ведь у нас по части мальчиков, — ляпнула Эйлин первое, что пришло на ум, и тут же пожалела.

Рихард оглянулся и, убедившись, что рядом никого нет, толкнул ее к стене. От неожиданности она даже сумку уронила.

— Уверена? — Одной рукой Гесс удерживал ее за плечо. — А может, мне пустить слух про бедняжку Лавкрофт, которая вечно на мели и готова *на все* ради новых шмоток? — самодовольно протянул он, и вторая рука опустилась на бедро Эйлин.

Она ахнула, пораженная такой наглостью, и залепила ему пощечину, эхо которой гулко раскатилось по коридору.

— Кто тебе теперь поверит? — процедила она сквозь зубы.

Рихард тронул покрасневшую щеку тыльной стороной ладони и тихо сказал:

— Я тебя выживу отсюда, поняла? — а потом резко пригвоздил запястья Эйлин к холодной каменной стене, чтобы не вырвалась, и плюнул в лицо.

Попытка оттолкнуть Гесса не удалась. Откуда только сила взялась у этого недомерка? Рихард буравил ее глазами, будто пытался влезть в голову и убедиться, что до нее точно дошло.

От напряжения, несправедливости, злости на Гесса и пустой коридор она прислонилась затылком к камню, посмотрела вверх, на облако, край которого был виден сквозь стеклянную крышу — и врезала обидчику головой в нос. Неприятный хруст прозвучал музыкой, и Эйлин завершила короткую симфонию ударом — прямо коленом в пах.

Студентам применять магию вне занятий и тренировок запрещено, равно как и рукоприкладствовать, но самозащита — другое дело, так что ее оправдают. Эйлин толкнула согнувшегося пополам Рихарда, и он рухнул на пол.

— Выживи сначала, — ответила она, вытирая рукавом лицо. Вот кто еще мог попасть в такую идиотскую ситуацию? Хотя Рихард вряд ли станет жаловаться: за домогательства его не похвалят. Так что все можно забыть как дурной сон.

Внезапно двери аудитории распахнулись: еще один одноклассник сдал зачет — и Гесс, метнув в Эйлин победный взгляд, громко заскулил, как побитая дворняга. Из расквашенного носа капала кровь, и Рихард вытирал ее локтем, насколько позволяла позиция зародыша.

— За что? — кричал он, тыча в Эйлин скрюченным от боли пальцем. — Сумасшедшая!

Эйлин растерялась от абсурдности разворачивавшейся драмы, и боевой настрой сразу улетучился. Прежняя неуверенность вернулась, в горле пересохло. За нападение на сынка мецената по голове не погладят. И бежать уже поздно: только подтвердит свою вину.

На крики Гесса высыпали студенты — скорее из любопытства, нежели желания помочь. Вперед протиснулся господин Жильбер, вернее, его живот.

— Что происходит?

— Она бросила в меня заклинанием, — стонал Рихард.

— Он врет, — попыталась оправдаться Эйлин.

Господин Зоркин пробрался через толпу и вопросительно глянул на Эйлин. Она развела руками, мол, произошло недоразумение. Но Рихард так стонал, простирая окровавленные пальцы к людям, что ее лепет остался без внимания. Вот вляпалась!

Господин Жильбер распорядился позвать лекаря. Подбородок профессора дрожал от гнева; француз прожигал Эйлин глазами — ждал, видимо, что нарушительница спокойствия зарыдает и бросится вымаливать прощение. Но она лишь пожала в оправдание плечами и проямлила, оробев от плохого предчувствия:

— Я не виновата, Гесс первый начал...

Господин Жильбер поморщился, делая рукой знак замолчать, как будто уже вынес приговор.

— Все ясно, — категорично сказал он.

В этих словах, похоже, заключалось будущее Эйлин. Господин Зоркин любезно согласился проводить ее к ректору, в то время как остальные вернулись на зачет. Наставник не позволил вставить ни слова: читал нотации, укорял в несдержанности и пугал историями о том, как за драки студентов в прошлые годы исключали без разбирательств, независимо от причин. Политика миротворчества, все дела. Именно для демонстрации взаимного уважения дозволено обращаться к профессорам таким безликим словом «господин», а к студентам относятся как к равным. После Мгновенной войны законы стали жестче, хочешь жить в этом

мире — играй по правилам...

В общем, Эйлин попала.

* * *

— Не знала, что у черного столько оттенков. — Лири Вертиго скептически повела бровью, выудив из груды вещей кожаные штаны.

Эйлин кивнула; она сидела, обхватив себя за колени, возле кровати подруги, в одной из общих спален в женском общежитии и корила судьбу за стычку с Гессом. Теперь этот поступок казался скорее недальновидным, чем храбрым. Ожидание приговора стало настоящей пыткой. Вчера остаток дня она провела в приемной ректора, который так и не появился. Ночью мучили кошмары, но самый главный предстояло вскоре пережить наяву.

Просторный зал с каменными стенами и высоченным потолком был условно разделен шторами на ячейки-комнаты, плотная ткань едва заметно колыхалась: видимо, кто-то открыл окно. Институт благородных девиц, не иначе.

Конечно, переодеваться удобнее в гардеробной с зеркалами в полный рост, но там невозможно уединиться. Оценивающие взгляды, перешептывания по поводу шрамов на запястье, а то и прямые вопросы, зачем Эйлин пыталась покончить с собой... Нет уж, спасибо.

— Твой готический стиль в кои-то веки уместен, — сказала Вертиго. — Скорбящая вдовушка, раскаявшаяся в содеянном, — отличный образ!

Эйлин усмехнулась: Лири не мешало бы иногда думать, прежде чем открывать рот. И как их дружба вообще могла существовать? Из-за неумения держать язык за зубами, любознательности и потребности давать советы, где не просят, Вертиго уже обзавелась целой армией недоброжелателей. Эйлин тоже собиралась вступить в их ряды после истории с записками, но выяснение отношений неожиданно перетекло в обсуждение самого Рихарда.

Оказалось, Гесс набивался к Лири в ухажеры, а потом буквально начал преследовать. Его откровенная пошлость и потные руки, которые так и норовили «по-дружески» обнять, совсем не тешили самолюбие, и Вертиго открыто отшила воздыхателя. Но он не смирился: продолжал слать откровенные записки гнуснейшего содержания. План мести родился сразу. Как там говорят: клин клином вышибают? Жаль, легкомысленная Лири не учла гаденький характер Гесса, его неспособность делать логические выводы и тем самым подставила Эйлин.

— Волнуешься? — Лири приложила брюки к бедрам.

— Глупый вопрос. Если отчислят — мне конец.

— Не драматизируй. На академии свет клином не сошелся.

Эйлин фыркнула: да уж, конечно! Разве могут такие, как Вертиго, понять, насколько безвыходно ее положение? У деток богатых родителей, а их в академии большинство, будущее окажется прекрасным при любом раскладе. Взять ту же Лири. С детства постигала основы магии с репетиторами, поступила на самое простое — зельеварение, но и там у нее весьма посредственные результаты. Хотя учеба Лири не нужна вовсе, и так все есть: шмотки, гаджеты, кругосветные путешествия. Придет время, родители купят ей дом в предместье Парижа, сведут с представителем какого-нибудь знатного семейства — и жизнь удалась. Для них выражение «потом и кровью» — абстракция, а не убогая реальность. А главное, Лири

отчисление не грозит вообще, даже если совсем забудет на учебу, потому что мама с папой — щедрые спонсоры академии. Разве что она кого-нибудь изобьет...

Ударить человека, чтобы постоять за свое достоинство, — против правил, а вот отсутствие ума — это, пожалуйста, живите-наслаждайтесь!

— Если ректор такой же тугодум, как Жильбер, то и слушать меня не станет.

— Тоже верно, — согласилась Лири, расстегивая пуговицу на джинсах. Она вдруг выпрямилась, будто ее осенило, и выдала: — А знаешь, у нас на факультете, в лекционном зале, стоят стеллажи с образцами эликсиров. Есть подавляющий волю. Зеленый, кислотный такой, не ошибешься. Если что, они подписаны. Мы зачеты сдали еще на той неделе, там никого не должно быть.

— И? — Эйлин заинтересовалась.

— На твоём месте я бы стащила отвар и подлила ректору в чай.

— Глупость какая! Во-первых, нет гарантии, что подействует. Во-вторых, за такое отчисляют без разбирательств.

— То есть хуже не будет.

План бредовый. Любому первокурснику известно, что магия в полную силу действует только на обычных людей. С другой стороны, образцы, о которых говорит Лири, были приготовлены сотни лет назад лучшими мастерами, которых так никто и не превзошел. Значит, есть малюсенькая вероятность, что эликсир сработает. Допустим, достать склянку не проблема. Но как отвлечь ректора?

Грохот прервал размышления Эйлин.

— Отстой. — Лири подняла с пола мобильный телефон, выпавший из заднего кармана тесных джинсов, которые ей с трудом удалось стянуть. — Включайся, ну же!

Аппарат жалобно пиликнул, но экран так и остался темным.

— Зачем ты таскаешь с собой телефон? Все равно он здесь не работает.

— Во-первых, это золотой айфон. Последняя модель. Предлагаешь под подушкой хранить? Во-вторых, он напоминает мне о цивилизации, в которую я вернусь еще не скоро. Seriously, оглянись вокруг: мы в Средневековье! Даже вечеринку на Хеллоуин умудрились назвать балом. Нет, эти штаны, конечно, классные, но мне длинноваты.

«И узковаты». Эйлин промолчала, чтобы Лири не заподозрила ее в черной зависти. Она на голову выше Вертиго, но при этом чрезмерно худая — тощая, одним словом. У подружки идеальные ноги, а не две макаронины, которые и показать стыдно. Хотя сама Лири утверждала, что Эйлин комплексует на пустом месте.

— Кстати, о вечеринке. — Она перешла на шепот. — Мне тут удалось договориться с одним старшекурсником, и нас пригласили на пати для взрослых у бассейна. Зельевары уже приготовили пиво. Круто, правда? А говорят, мы бесполезные.

— Не стала бы я его пробовать, — заметила Эйлин.

— Да ладно! Знаешь, что самое главное? — Лири мечтательно улыбнулась. — Там будет Ноэль.

Час от часу не легче. Эйлин отвернулась и начала переодеваться. Черные брюки с клешем от бедра и атласная рубашка в тон — официально и при этом не слишком мрачно.

— Скорей бы мы начали проходить все эти приворотные зелья, — продолжала фантазировать Вертиго.

— На Ноэля они все равно не подействуют.

— Всякое бывает, — отмахнулась Лири. — Я узнала, что в прошлом году он встречался с

одной второкурсницей, но она бросила академию, и Ноа та-а-ак страдал. Говорят, сам не свой ходил. А сейчас и не скажешь, правда? Уверена, был приговор. И если у нее получилось, чем я хуже?

Эйлин пожала плечами. Третьекурсник Ноэль, звезда академии, с которым мечтали дружить парни, на которого засматривались девчонки, — и печальный герой-любовник с разбитым сердцем? Не вяжется.

Часы во дворе пробили полдень.

— Лавкрофт! — гаркнула тень за шторой.

Металлические кольца неприятно лязгнули по карнизу, и в комнате появилась воспитательница женской спальни Зельда. Внешне она походила на гнома-переростка, только без бороды.

— Хватит глупых разговоров, вам через час к ректору! — Женщина сверкнула глазами в сторону разбросанной на кровати одежды: — Что за бардак? Вам тут не дом! А вы, Вертиго, почему в трусах?

Лири улыбнулась, включив все свое природное обаяние:

— Зельда, милая, не ругайтесь! Сейчас оденусь и уберу.

Женщина не двинулась с места, от ее холодного взгляда по коже бежали мурашки. Третий лишний. Эйлин незаметно взяла жакет Лири с эмблемой факультета прикладной магии и проскользнула мимо надзирательницы.

Академия магии Аттикара располагалась на юге горной цепи Готфелл-Дейн, в кратере, который оставил после себя небольшой метеорит, упавший с неба около тысячи лет назад прямо в живописную долину. Каменные «шпили» вокруг замка, отточенные то ли природой, то ли магами для устрашения непрошенных гостей, когда-то называли Пиковым поясом. На него и смотрела Эйлин, беспрерывно покусывая нижнюю губу и обдумывая план. Конечно, есть вероятность, что она зря нагнетает ситуацию, что ее не выгонят, но полагаться на лучшее она давно разучилась. Сам себе не поможешь, никто не поможет... Сидеть сложа руки и ждать «приговора» нельзя. Если все же исключат, то хотя бы не за трусость. Она просто подстрахуется для собственного успокоения, в этом ведь нет ничего преступного, правда?

Вот сейчас она войдет в оранжерею, которую обычно не закрывали днем, обогнет ряды бочек с удобрениями, свернет направо, на террасу, ведущую в здание факультета прикладной магии. Там пять этажей. Главный лекционный зал зельеваров, естественно, наверху. Наверняка студенты будут спрашивать, почему раньше не видели ее здесь, все-таки два месяца отучились уже...

Опасения оказались напрасными: никто не обратил на Эйлин внимания. На стене у входа красовалась бронзовая плита с каким-то символом и цитатой — пафосное напутствие студентам.

В конце просторного холла практиковались боевые маги: готовились к зачету и, по всей видимости, пытались разрушить здание. Они создавали особый огненный вихрь — относительно безопасный для мебели, но губительный для нечисти. Воронка хрипела, раздувалась и уже готова была заглотить потенциальных врагов. Один из студентов, ловко вывернувшись, сунул в огонь меч. Наверное, закалял сталь.

— Отойди, куда прешь? — донеслось до Эйлин, и она вздрогнула. Но это обращались не к ней. Какой-то парнишка со стопкой книг в руках непредусмотрительно пытался пройти мимо боевых магов, прижимаясь к стенке. Определенно, зельевар. Но не целитель, иначе не

лез бы так глупо в огонь. Убить не убьет, но серьезные ожоги заработать можно.

Эйлин хмыкнула и, вспомнив, зачем пришла, проскользнула на лестничную площадку.

Пять пролетов дались нелегко, уж больно длинные лестницы между этажами. Ощущение, что здесь раньше великаны жили.

Солнечный свет почти не проникал сквозь узкие витражи, но полумрак не помешал Эйлин разглядеть металлическую табличку на резных арочных дверях в конце коридора. Должно быть, это и есть главный лекторий. Единственное, что смущало, — множество кабинетов на пути к цели. На факультете менталистики совсем другая планировка. А вдруг прямо сейчас кто-нибудь выйдет?

Дверь в лекторий была приоткрыта. Оттуда струился бледный свет факелов с холодным огнем, заменявших в замке электричество. Биополя магов усиливали любое электромагнитное поле в радиусе нескольких метров. В разной степени, конечно. Но и этого хватало, чтобы начинали барахлить радиоприемники, телевизоры и телефоны. В крупных центрах, особенно там, где собиралось большое количество магов, использовались всевозможные вариации «глушилок», которые вместе с биополями подавляли и способности. Но здесь, в академии, где студентов учили управлять собственной силой, применение подобных установок было абсолютно бессмысленным. Всегда приходится чем-то жертвовать: в данном случае техническим прогрессом и благами цивилизации.

Из-за двери не доносилось ни шороха. Такая удача могла бы порадовать, только вот, судя по всему, не одна она жаждет полюбоваться на колбы. Этого только не хватало.

Отступать поздно, да и некуда. Разве только домой, к матери, чтобы слушать ее ехидное «мы предупреждали: от магов ничего хорошего не жди». А потом отправит в магазин за углом, продавать булочки. Или судомойкой в детский сад. Не бывать этому!

Эйлин сжала губы и легонько толкнула дверь. Та беззвучно поддалась. Внутри никого. Странно. А вот и заветные стеллажи — рядом с кафедрой. Словно исполины, они упирались в потолок, а внизу были привинчены к полу. Эликсиры хранились невысоко, на уровне глаз, видимо, чтобы преподаватели лишний раз не применяли магию или не лазили по стремянкам.

Из распахнутого окна тянуло свежим воздухом. Эйлин еще раз осмотрелась по сторонам и сделала шаг, еще один... Глухой резкий стук болью отозвался в груди. Кто-то вошел следом?! А нет, это за кафедрой. Низкая дверца, видимо, в каморку с преподавательским добром, была открыта настежь, и Эйлин заметила чью-то спину в лабораторном халате. Броситься вперед или назад? Сердце колотилось как бешеное. Что делать?! Сказать, что потерялась. Или...

Задержав дыхание, Эйлин подалась вперед — и половица предательски заскрипела. Голова закружилась, но, слава небу, лаборант никак не отреагировал на звук. Эйлин практически прыгнула за последний из стеллажей, прижавшись спиной к холодным, обшарпанным фрескам, которые изображали круги ада Данте. Какая ирония.

Ветерок из окна приятно обдувал лицо. Эйлин вытерла вспотевшие ладони о брюки и зачерпнула немного прохлады. Сейчас все ее будущее зависело от этого комка энергии. Только бы сработало...

Эйлин создавала иллюзию крика. Такой трюк проходили вскользь еще на первых занятиях, тогда она посчитала его никчемным фокусом. Как же!

Звук походил на писк комара, но нельзя было терять ни секунды, потому что скоро он преобразится. Эйлин подула на ладони, выпустив иллюзию в раскрытое окно, и та, как

перышко, стала кругами опускаться вниз.

— А-а-а!!! Помогите!

В спокойное существование академии ворвался душераздирающий вопль. Эйлин гордо улыбнулась. Так-то! Даже представить страшно, что она сможет сделать через три года учебы. Если не выгонят.

Выглянув из-за стеллажа, заметила спину выбегающего в коридор лаборанта.

А он молодец, бросился на помощь. Наверное, боевой маг. Не хотелось бы увидеть его лицо, когда тот поймет, что одурачен и нужно опять подниматься пять пролетов вверх.

Эйлин внимательно рассматривала эликсиры. Не так их и много. Права была Лири — найти нужный проще простого. Вон, во втором ряду. Если эта кислотно-зеленая жижа и на вкус такая же ядреная, тогда ясно, почему человек потом не способен самостоятельно мыслить.

Хранить древние экспонаты на виду — не самая умная идея. С другой стороны, кто осмелится брать без спросу? За такое точно исключат. И будет ей прощальным вальсом победный хохот Гесса...

Не стоило воровать весь эликсир, можно было позаимствовать пробирку у Лири и отлить немного, но поздно, часики тикают. Эйлин схватила пузатую бутылочку за длинное тонкое горлышко, спрятала под жакет, зажав под мышкой, и выбежала из лектория. Она пронеслась два этажа вниз по лестнице и уже облегченно вздохнула, когда на повороте врезалась в чью-то грудь.

Эйлин подняла глаза, чтобы извиниться, и застыла. Зря считала, что хуже не будет. Мысли будто испарились под суровым взглядом карих глаз.

— Привет.

Вот так — привет, да еще и мину скорчил, будто подавился своей любезностью. Эйлин решила не реагировать, притвориться, что ничего не понимает, и идти вперед. Только вот колени предательски задрожали.

— Эйлин! — Парень удержал ее за локоть, и она, испуганно ахнув, услышала звук бьющегося стекла. Зеленые брызги окрасили ботинки и полы белого лабораторного халата. Проклятье!

— Что за?... — сказал он и отступил от лужицы. Резкий запах плесневелого сыра заставил обоих скривиться.

Эйлин опять оказалась в западне. Единственный выход — держаться надменно, словно Реннен испортил ей день.

— Уродовать людей уже недостаточно? Решила кого-то отравить?

Шутник. Уснувшая было ненависть прорывалась наружу, хотя стоявший перед ней человек не заслуживал даже толики чувств. Никаких.

— Извини, Монвид, — она сделала ударение на его фамилии, — и в мыслях не было подходить к тебе, а прикасаться — тем более. Не знала, что ты женился и взял фамилию супруги.

Эйлин скрестила руки на груди, готовая к нападению.

Реннен Монвид — так прозвучало его имя на общем собрании в первый день учебы, когда первокурсникам представляли лучших студентов академии. Она не могла поверить своим глазам: предатель, который когда-то разбил ей сердце и даже не извинился, стоял перед ней жив-здоров в лучшей академии мира — да еще и под чужой фамилией.

Нужно было сразу его сдать, но прежде Эйлин хотелось во всем разобраться самой.

Правда, стремление никогда не видеть и не слышать этого бесчувственного гада в итоге победило. Теперь ей ничего не оставалось, кроме как гордо вскинуть подбородок. Реннен смотрел на ее волосы, а затем протянул руку и заправил прядь за ухо. Эйлин резко отдернула голову:

— Совсем спятил?

Она развернулась: броситься бежать со всех ног или уйти грациозно, по-королевски? Но Реннен снова схватил ее за локоть, делая больно. На его лице отразилось не то презрение, не то желание придушить. Это кто кого еще ненавидеть должен?!

— Значит, я не ошибся, и в лектории действительно кто-то был. Хотела на меня посмотреть исподтишка? Я не против. Но зачем красть вот это? — Он носком указал на постепенно бледнеющую лужицу. — А еще давно хотел спросить, почему не выдала моей фамилии? Решила отомстить покруче? Что ты хочешь за молчание? Может, деньги?

Какой же он все-таки моральный урод! Эйлин по одному отцепила его тонкие паучьи пальцы и процедила:

— Не трогай меня! Я забыла, что ты тут вообще есть. Для меня ты умер. Понял?

Внутри все клокотало, на глаза навернулись злые слезы, но сдержала их. Хватит, наплакалась! Своим очарованием Реннен мог обмануть кого угодно, но не ее. Когда-то Эйлин нравились эти черные волосы, карие глаза — не парень, мечта. А потом наружу полезли химеры, таящиеся внутри прекрасного принца, и от иллюзий не осталось и следа. Она не сможет ему верить, да что уж тут: после дружбы с этим двуличным трусом можно вообще разочароваться в людях.

Видимо, слова достигли цели: Реннен отпрянул, как от удара, и выпрямился.

— Спасибо. Так вот почему мне пришлось по душе некромантия. Оказывается, я труп.

— А здесь ты что забыл? — с обвинением сказала Эйлин.

Если бы не Реннен, ректор уже наслаждался бы обеденным чаем с ароматом покорности.

— Хобби. Бывает, попадаются очень интересные экземпляры для исследования, например как сейчас.

Холодным пристальным взглядом он пытался просверлить дыру в голове у Эйлин, не иначе.

— Ладно, я пошла.

На нее вдруг навалилась такая усталость, что Эйлин готова была упасть прямо в смердящую жижу.

— Я тебя провожу, — ответил Реннен голосом, не терпящим возражений, и начал медленно спускаться по лестнице.

— Куда?

— К ректору.

Черт! Вечно от него одни проблемы.

— Тогда я всем расскажу, кто ты на самом деле. — Эйлин угрожающе сощурила глаза.

— И кто же?

— Ублюдок под чужой фамилией.

Реннен напрягся, замедлил шаг, но не остановился, не передумал. Вот сволочь, никогда не скажешь, что у него на уме.

— А ты так и не повзрослела.

На том разговор закончился. Эйлин шла быстро, почти бежала, сдерживая ругательства,

которые вертелись на языке. Сухое дыхание опаляло горло. Чтоб оно все провалилось! И академия эта проклятая пусть провалится! Может, тогда какое-нибудь чудовище протянет из подземелий наружу огромные клешни и утащит в пекло Гесса, Монвида и вообще всех, кто отравляет ей существование. Она выбралась из дома, чтобы начать новую жизнь, стать другим человеком, но и тут прошлое идет по пятам.

«Посмотрим еще, кто кого», — повторяла Эйлин про себя, представляя, как липкие щупальца ломают шею Реннена.

Череду жестоких фантазий, не несущих ничего, кроме боли и нечеловеческих страданий Монвиду, который преспокойно шагал рядом, оборвал нервный голос секретарши в приемной ректора:

— Лавкрофт, вас ждут уже полчаса. Госпожа Гесс два раза чай просила.

Упс. А она тут как оказалась? Быстро же. Интересно, одна или всей семьей пожаловали?

— Ты идешь? — Эйлин повернулась к Реннену.

Глупый вопрос, еще бы он упустил возможность унижить ее в очередной раз.

— Я здесь подожду. Надеюсь, ты сама расскажешь, что наделала, — язвительно ответил кареглазый призрак из прошлого.

— И чтобы без вранья, а то знаю тебя.

От ярости у Эйлин перехватило дыхание, в голове застучало, и она, крепко сжав зубы, практически ворвалась в кабинет ректора.

— Полюбуйтесь на эту хамку: никаких манер! — Широколицая дамочка кивнула головой в сторону застывшей на пороге Эйлин. Выражение ее маленьких, заплавленных глазок прочесть было сложно: то ли ярость, то ли презрение.

Молчать. Что бы ни случилось — молчать.

Мать Гесса, не вставая с дивана, попыталась развернуться — и зацепила толстой коленкой чайный столик. Фарфоровые чашки жалобно звякнули, но устояли.

— Здесь приличное заведение, слышишь?! Может, ты росла в трущобах и там принято нападать на других, но цивилизованные люди ведут себя иначе.

Это она про своего сынка? Рассказать ей, что ли, как он прямо на занятиях, стоя за спиной у глуховатого профессора магической рунописи, называл того старым козлом? Или про то, как ради смеха свернул шею посыльному стрижу?

— Простите, но ваш сын начал первым.

Эйлин заметила, как ректор, сидевший в кресле сбоку от взбешенной женщины, сделал резкий жест рукой, призывая замолчать. Лицо его исказилось, будто он страдал от зубной боли.

— Кошмар, еще и врет в глаза! — Мамаша Рихарда повернулась к ректору: — Мой сын — благородный юноша, воспитанный в лучших традициях...

— Дорогая... — Голос, лишенный теплоты, принадлежал худосочному лысеющему мужчине, который стоял у камина спиной к Эйлин.

— Не смей меня затыкать! — взвизгнула дамочка. — Или тебе плевать на сына? А эта, между прочим, получает стипендию. Наши деньги! Ты ее спонсируешь, а она в благодарность калечит моего мальчика.

— Я в курсе, за что плачу. — Гесс-старший даже не взглянул на Эйлин; сверкнув лысиной, он повернулся к ректору: — Господин Вейнгарт, уверен, вы понимаете. Мы забираем Рихарда домой на некоторое время.

Ректор примирительно кивнул.

— Вопросов с его посещением не возникнет, — сказал он. — Прошу вас, не нервничайте, мальчик наверняка расстроится, увидев мать в таком состоянии.

Женщина вздернула мясистый нос и шумно втянула воздух. Наверняка собиралась продолжить истерический монолог. Но господин Вейнгарт глянул на нее так, будто был врачом, предупреждающим сердечника воздержаться от прыжков с парашютом. В кабинете вместо упреков раздался лишь стон:

— Вы правы, Теодор. Полно. Вы мудрый человек и примете единственно верное решение.

Ректор помог госпоже Гесс подняться, легонько взял под руку и вполголоса продолжил говорить ей что-то о здоровье, апоплексическом ударе и тяготах сиротства, которые ожидают Рихарда в случае ее безвременной кончины. Дама согласно кивала. Тяжелые серьги с бриллиантами, некрасиво оттягивавшие ее мочки, подрагивали в такт.

— Лавкрофт, присядьте пока, — строго бросил ректор через плечо.

Гесс-старший помедлил, прежде чем выйти, и смерил Эйлин таким взглядом, словно она была кучей мусора в центре праздничной площади. Если сын с возрастом станет похож на отца, то будущее у мира, где власть принадлежит подобным типам, незавидное.

Конечно, о существовании магов знают лишь избранные, и все важные решения в любой точке планеты принимаются только после согласования в тайных сообществах... Но если судьбы вершат такие вот гессы, неудивительно, что люди сами приближают апокалипсис.

Эйлин обвела взглядом комнату. На стеклянном столике стояли две белые чашки, на одной — отпечаток лиловой помады госпожи Гесс, и еще одна, высокая, с причудливым узором золотых завитушек, в которых угадывалась львиная морда. Казалось, зверь скалился на Эйлин. Она сардонически усмехнулась в ответ. Плеснуть бы туда зелья, но момент упущен!

«Пользуйся тем, что дала мать-природа: глазки, губки, юбочки, — зашептал внутренний голос с интонацией Лири. — Если не поможет, плачь и бейся в истерике, пока у него инфаркт не случится». Нет, слишком дешевый трюк, ректор на него не купится, а очередного позора ей не вынести.

Эйлин присела на краешек кресла, провела пальцем по ободку «львиной» чашки ректора и усмехнулась: «Что я творю?» Со стороны она показалась себе хнычущей глупышкой.

Внутри будто лопнула натянутая струна. Неопределенность больше не пугала. Отчислят — ну и ладно! Станет гением-самоучкой. Эйлин удивилась собственному спокойствию. Чтобы отвлечься, она принялась изучать обстановку. Кабинет напоминал замок в замке. В углу, за тканевой драпировкой, — еще одна дверь. Стены украшены гобеленами, изображающими великих магов. Полки с книгами. Рабочий стол, заваленный кипой бумаг, пергаментов и ручек.

На камине и около него Эйлин заприметила несколько подсвечников. Наверняка старинные. Изящные, хоть и причудливой формы, но непрактичные. Неужели ректор коллекционирует такое? Еще бы сервизы с пастушками собирал, как благодетельная старушка. Нет, такому мужчине решительно подошла бы коллекция сабель на стене. Теодор Вейнгарт, обаятельный мужчина лет сорока, внешне походил на благородного пирата. Не портил его даже наметившийся животик. Темные волосы доходили до плеч, седина в висках и аккуратной бородке. Легкий загар: наверное, много времени проводил на открытом воздухе. Ему бы ходить под парусом, а не скучать в академии.

— Эйлин. — Голос ректора заставил вздрогнуть. — Я готов выслушать вас.

Надо же, какая честь. Мог бы и не умасливать без пяти минут бывшую студентку.

Господин Вейнгарт сел напротив, взял чашку со львом и отпил.

— О чем говорить, если моя судьба уже решена.

— И кем же? — В зеленых глазах заплясали искорки любопытства.

— Вами. Я знаю, что отчислена.

Ректор откинулся на спинку кресла. На его губах играла улыбка.

— Читать мысли магов — серьезная заявка. Имена таких мастеров только в летописях можно встретить. Хорошо, что ты учишься на иллюзионистку. Не обижайся, но телепат из тебя никудышный.

Такая искренность озадачивала. Как все объяснить, чтобы не выглядеть жалкой? Пауза затягивалась.

— Гесс начал первым. — Она наконец-то решилась нарушить молчание. — Вышел за мной, оскорблял, потом толкнул и... плюнул в лицо.

В мыслях Эйлин заново переживала унижение. Щеки пылали. Ректор молчал.

— А еще на зачете Рихард показал не свою иллюзию, он купил авто у...

Вовремя спохватилась: одно дело наябедничать на Гесса, другое — подставлять старшекурсников.

— Авто, — улыбнулся ректор. — Мы тоже их так называли. Seriously! Я был когда-то молодым и тоже здесь учился.

Он задумчиво покрутил перстень на мизинце.

— Я знаю, что некоторые студенты... э-э... жульничают на зачетах. Но на экзамене поблажек не будет. И Гесс, хм, не очень дальновиден, если считает иначе. Но речь не об этом. Важно другое — ваше поведение.

Эйлин прикусила губу, чтобы не заплакать.

— Вы сильная студентка и подаете большие надежды. Да-да, я говорил с господином Зоркиным. У вас есть задатки, но одного таланта недостаточно, нужно много работать. Очень много. Академия — уникальный шанс. А вы...

Слезы потекли по щекам Эйлин.

— Я не поеду домой, не могу.

Она не давила на жалость, как советовала Лири, а говорила чистую правду. Родители были магами. По крайней мере, так утверждали. Мама обладала задатками к телепатии, мечтала учиться в Академии магии, но так и не поступила. Возможно, если бы бабушка Бойль была богаче и смогла нанять матери репетитора, все вышло бы иначе. Не любила вспоминать Эйлин и отца — Дэниса Лавкрофта, утверждавшего, что он дипломированный зельевар. Папа часто готовил на кухне чудо-средство «от головы» для жены, но помогала ли маме дрянь, вонявшая на весь дом, — спорный вопрос. А потом случилось страшное: родители, как обычно, скандалили, и мама в пылу ссоры надела на голову отцу его же котелок с целебной булькающей жижой. Папа погнался за ней, а в результате пострадал случайный прохожий — обычный человек.

Позже бабушка говорила, что отец вроде как в открытую применил боевое заклинание — откуда он его только знал? — и за это его лишили магического дара. Детали процедуры остались для Эйлин загадкой, ей тогда только исполнилось десять. Единственное, что она поняла, — это все как-то связано с особой электрической активностью мозга людей, обладающих даром. По сути, отца поместили в камеру, вроде огромной «глушилки», и облучили. Он долго болел, а потом его не стало. Мать от горя чуть с ума не сошла. Первое время выручали антидепрессанты, но затем... Она стала ведьмой. И ладно бы в сказочном значении слова.

«Все из-за тебя! — любила повторять она. — Если бы я не забеременела, то жила бы сейчас припеваючи».

Будь жива бабушка, Эйлин переехала бы. Та постоянно говорила, что у внучки магический дар. Но как тут поверить? Для ребенка магия — это когда остывший чай в детском саду можешь превратить в кока-колу. Естественно, ничего подобного у Эйлин не получалось. Но после смерти отца она узнала правду, открыла в себе дар.

Мать пришла в бешенство, когда услышала, что дочь собирается учиться в академии. Отговаривала, пугая волчьими законами, царящими в магической среде, и страшной судьбой отца, угрожала, мол, выйдешь за порог — назад не возвращайся. Но Эйлин ушла.

— Успокойтесь. — Ректор подошел к столу и зашуршал бумагами. — Я все знаю. Вот.

Он протянул письмо. Странно. Почерк знакомый: размашистый, нервный. Очень похож на мамин. Точно, так и есть!

Рассыпаясь в любезностях, принижая себя, вдова Лавкрофт просила, нет, умоляла

«всемилоостивого» Теодора Вейнгарта не принимать дочь в академию, «не отнимать опору и единственный смысл жизни». От стыда Эйлин чуть сквозь землю не провалилась.

Ректор потер подбородок и ответил на вопросительный взгляд:

— Я самый молодой руководитель в истории академии. Знаете почему? Потому что хорошо разбираюсь в людях и никогда ими не разбрасываюсь. У вас талант. Это стало ясно еще на вступительных экзаменах. Глупо зарывать его в землю. К тому же я понимаю вашу ситуацию в семье лучше, чем вы думаете. — Он отошел к окну и заложил руки за спину. — Моя мать тоже не хотела со мной расставаться.

Господин Вейнгарт помолчал немного и добавил:

— Как по мне, Гесс получил по заслугам. Но как ректор я не могу поощрять хулиганское поведение. Тише, держите себя в руках. Об отчислении речи не идет. Но и без наказания оставить вас не могу.

Эйлин выдохнула, плечи расслабленно опустились; разжав онемевшие пальцы, отцепилась от подлокотников кресла. Неужели чудеса случаются?

— Кстати, юноша в приемной предупредил, что вы собираетесь рассказать мне какую-то историю про древние эликсиры. Я слушаю.

Душа снова ушла в пятки. И зачем она послушала Лири? План изначально был идиотским.

Эйлин заглянула в глаза ректору: два зеленых омута без намека на злость или угрозу. Только бесконечное терпение. Так смотрят на щенка или на маленького ребенка.

Отпираться глупо, а хорошо врать Эйлин не умела.

— Я украла эликсир подавления воли из лектория зельеваров. — Она уставилась в пол. — Но сюда не донесла, разбила.

Реакция ректора ее удивила. Он расхохотался.

— А я все думаю, чем от вас пахнет. — Господин Вейнгарт ущипнул себя за переносицу и пояснил: — Эти образцы бесполезны уж лет сто.

Эйлин молчала. Наверное, со стороны она выглядела полной дурой.

— Вам ведь знакомо выражение: боишься — не делай, сделал — не сожалей, — продолжил ректор. — Упорство, с которым вы движетесь к цели, поражает. Почему бы не направить энергию в мирное русло? Сделать планету лучше, например, или найти любовь. Хм, кажется я успел забыть, о чем положено мечтать в таком возрасте.

— Я не верю в любовь, — мрачно сказала Эйлин. — По крайней мере, бескорыстную. А мечта... мечты есть у всех.

— И ради своей ты готова на все?

— Да.

— Тогда иди.

Эйлин непонимающе уставилась на ректора. Он взял со стола запечатанный конверт и махнул рукой:

— Иди-иди! Я в прямом смысле, у меня дел по горло. Наказание я придумаю позже. Мир жесток, Эйлин. Но порой людям нужно доверять.

Опасаясь, как бы удача снова не отвернулась, она пулей вылетела из кабинета. Реннен ждал в приемной: развалился в кресле, вытянув длинные ноги, и тихонько насвистывал в полудреме. Эйлин собиралась пройти мимо, чтобы он, не дай бог, не заговорил, но один момент не давал покоя.

— Эликсиры давно выдохлись.

Реннен приоткрыл глаза и растянул губы в наглой улыбке:

— Знаю.

Она пнула подлеца ногой в ботинок и, не попрощавшись с секретаршей, вышла из приемной.

Проснувшись на рассвете, Эйлин первым делом вскочила с кровати и отдернула штору, через которую едва пробивался тусклый свет. В огромном окне общей спальни розовело небо. Нет, ее мир не рухнул. Это только во сне.

Она часто видела один и тот же кошмар, который начался пять лет назад, когда умерла бабушка. На похоронах тещи отец напился и распевал похабные куплеты. Ужасный день! Ночка выдалась не лучше. Тогда-то Эйлин впервые их и увидела. Щупальца появились из-под кровати. Осязаемые, холодные, они оплетали все вокруг: ноги, руки, шею — ползли по стенам, срывая плакаты любимых рок-звезд.

Мама пришла не сразу. Приоткрыв дверь, она велела Эйлин умолкнуть, потому что крики провоцируют головную боль. В тот самый миг стало ясно: близости в семье больше нет.

Разве что папа в редкие минуты душевного подъема любил гладить по голове и рассказывать о своих студенческих годах в некоем секретном заведении, где он познал азы тайных знаний. И всегда прибавлял, что мог бы стать профессором магии, если бы не беременность жены и последующее рождение заурядного ребенка. Правда, он тут же спохватывался, что говорит вслух, и отшучивался. Чувство юмора у него тоже хромало.

Долгое время Эйлин считала, что отец врал. Нет никаких магических академий. А если и были, то папу туда никогда не взяли бы.

В мае, когда заурядная дочь отпраздновала банальный пятнадцатый день рождения, отец повесился в ванной.

Эйлин села на кровати и потянулась к расческе на ночном столике. Седая прядь, к которой вчера прикоснулся Реннен, в ее светлых волосах появилась во время похорон. Отца провожали в открытом гробу, и мать несколько раз бросалась на труп, умоляя «этого эгоиста» забрать ее с собой.

Ну что за семейка!

Видимо, папа услышал-таки просьбы. Во время очередного маминого припадка, когда она схватила мужа за полы пиджака, он поднялся. Вот так — раз! — и сел в гробу.

Мать потеряла сознание, а у Эйлин поседела прядь волос.

Оказалось, у отца произошел посмертный выброс магической энергии, остатка после «облучения». К гробу никто не хотел подходить, и пришлось Эйлин захлопнуть его самой.

С тех пор мать никогда не умолкала: мусолила подробности приключений сериальных героев, выдавая их за свои, устраивала пакости соседкам, пыталась зарезать собаку. В лечебницу ее не отправили, сказали — абсолютно здорова, но оштрафовали на кругленькую сумму и обязали посещать психотерапевта. Эйлин обнимала маму, плакала, умоляла не сдаваться, ведь жизнь еще может наладиться. Но та отстранялась от дочери, как от чего-то гадкого и ненужного, и шла на кухню варить «снадобье от головы» по рецепту папы.

Нужно сказать, что у них в Бродике, единственном большом поселке на острове Арран, где все друг друга знали и любили посудачить за спиной, старшая Лавкрофт стала кем-то вроде местной знаменитости, и ее плацебо от мигреней даже начало приносить доход.

Как-то зимним вечером — Эйлин оставалось полтора года до выпуска — мама

проговорила об Академии магии Аттикара. Мифический город Аттикар якобы существует на самом деле — там, с обратной стороны бесконечных Арранских гор, прославившихся непроходимыми тропами и пиками, на которые не взобрался ни один скалолаз.

Эйлин ответила, что мать придумывает, но та продолжала: да-да, Академия магии, змеиное гнездо, полное лжи, — вот где характер отца испортили, вот почему он так глупо себя повел и закончил в «камере пыток». Зря они поселились так близко к проклятому месту!

Зная манеру матери искажать факты, Эйлин решила, что именно туда ей и стоило поступить. Она жаждала попасть в другой мир уже давно, но не могла найти дорогу. Теперь же все прояснилось. Конечно, вход в волшебный город был закрыт для простых смертных, но она, как доказывала жизнь, не из их числа.

Эйлин крепко ухватилась за края кровати: никто и никогда не заберет у нее мечту. Она станет богатой, известной — а главное, свободной. Никто больше не заставит ее закрывать гробы, и уж тем более не загонит в собственный.

Она на цыпочках вышла из помещения и направилась в стрижатню. Чистить карму, как выразилась накануне Зельда, довольная наказанием Эйлин.

* * *

— Ну и гадость! Он бы тебя еще заставил... даже не знаю, что хуже.

Винсент Фрог, которого прозвали Малышом за низкий рост и щуплое телосложение, скривился и сделал пару шагов назад. Неженка. Эйлин устало вытерла вспотевший лоб и посмотрела на свои труды: сверкавшую чистотой стрижатню, из которой она выгребла лопатой, наверное, тонну помета, не меньше. Обычно «почетная» работа доставалась игнарусам, слугам из... не совсем людей. Лири называла их гномами-зомби, но Эйлин они чем-то напоминали соседей из Бродика.

Солнце, такое редкое для последних дней октября, палило прямо в лицо, и единственное, чего хотелось, так это принять душ. Путь вверх, о котором говорил господин Вейнгарт, начался для нее с птичьих испражнений — как оригинально. Почтовые черные стрижи, конечно, красивые, но теперь они вызывают иные, плохо пахнущие ассоциации.

— Отойди, а то испачкаешься, — сказала Эйлин приятелю.

Малыш, телепат-первокурсник, первым подошел знакомиться в начале сентября, когда она в библиотеке читала современную историю Аттикара.

— Ди Наполи и О’Трей — вот кто самые главные после регента, не верь тому, что пишут в книгах.

— А ты кто? Предсказатель? — хмыкнула Эйлин.

— Нет. Телепат. А ты — девушка, которая сразила приемную комиссию наповал.

Такая, даже зачаточная, слава польстила, и Эйлин протянула руку для знакомства.

Их общение оказалось неожиданно полезным: Малыш, несмотря на замкнутость, оказался веселым и очаровательным, часто говорил мудрые вещи, цитируя своего отца, и сам себя называл мечтателем. Винсент яро убеждал, будто в каждом маге скрыты универсальные способности, и ведь есть примеры в истории!.. Когда Эйлин уточнила, где именно они описаны, Малыш смутился:

— Да мне папа рассказывал. Он у меня президент торговой компании, бытовую технику

продает, уж ему-то все известно.

В результате Эйлин заразилась верой Винсента и согласилась практиковаться раз в неделю: он — в иллюзионистике, она — в телепатии.

И вот сегодня, после утомительного утра, когда единственными собеседниками были черные стрижи, Малыш пришел напомнить, что у них встреча через час, сразу, как вернется из лазарета. Туда Винсент ходил ежедневно то ли витамины колоть, то ли лекарства. Такой милый, жаль, что болеет. Судя по всему — серьезно.

Эйлин потрепала его по копне русых волос и побежала переодеваться.

Их занятия проходили в розарии около лазарета, в уединенном местечке для влюбленных — в данном случае, влюбленных в магию. Малыш ждал Эйлин, улегшись на скамье. Довольно потянувшись, он сказал:

— Скоро выходные, можно валяться в постели и ничего не делать.

— Повезло тебе, — разочарованно ответила она. — Хорошо, когда никому ничего не должен. Завидую.

Винсент не отшутился в ответ, как обычно, наоборот, напрягся:

— А я — тебе.

— Почему?

— В отличие от меня, ты можешь выбрать будущее, а я знаю свою судьбу: занять место отца после его смерти. И других вариантов у меня нет.

Эйлин склонилась к розе, чтобы понюхать, и махнула рукой:

— Да ладно, можно подумать, ты принц. Отец поймет, если не захочешь управлять его оптовыми складами.

Винсент долго на нее смотрел, потом сел ровно, всем своим видом подчеркивая серьезность разговора: лицо у Малыша сделалось решительным и хмурым, словно собрался раскрыть страшную тайну.

— А чем я не принц? Сама суди: живу не своими планами, братьев-сестер нет и не будет, мама умерла, значит, и наследников, кроме меня, у отца нет. И выбора нет.

Винсент выдал все это на одном дыхании и замолчал, так же резко, как и начал свою странную речь.

Да-а, нашел, с кем сравнивать! Принц Беренгар, сын регента Бранфилда Первого, правителя всего магического мира и бла-бла-бла. Чудесно, но принц, двенадцатилетний болезненный подросток, живет в своем дворце и радуется, небось, что он наследник престола. Любой хотел бы оказаться на его месте!

Винсент выжидающе буравил Эйлин глазами, но что именно он хотел от нее услышать? В конце концов, у каждого — свои проблемы.

— Какой костюм для бала выбрал? — сменила тему Эйлин.

— Никакой.

— В смысле? Голый пойдешь?

Винсент хохотнул.

— В смысле не пойду. Не люблю толпу, скопления людей вызывают у меня панические атаки.

Так вот что он в лазарете забыл! Панические атаки лечит. Она-то думала — одна тут с тараканами в голове.

— Ладно, отдохнули — и хватит, — сказал он. — Читай мои мысли.

Эйлин заглянула Винсенту в глаза, глубокие, синие. Уловить и понять мысль мага — такого даже в пособиях нет. Но если удастся, то об Эйлин обязательно напишут в учебниках.

Малыш, казалось, перестал видеть реальность: зрачки расширились, дыхание замедлилось. По его словам, маги могут ослабить врожденную защиту от считывания мыслей самогипнозом, подобным тому, который заставляет медитирующего отрывать от земли.

Ничего не получалось. Приторный запах роз начал раздражать, и Эйлин, не выспавшаяся, растрепанная, психанула и сбила бутон на землю.

— Ты должна настроиться на мое биополе, в прошлый раз почти удалось, — сказал Винсент, глубоко втягивая воздух.

— Знаешь, давай потом. Сегодня не могу. Лучше ты попрактикуйся с иллюзией.

— Ну, уж нет! Ты такая гарпия сейчас. Может, перенесем занятие на завтра? — отодвигаясь подальше, сказал Малыш. — Тебе, наверное, нужно собираться на бал: помады там, парики — не знаю, что еще девочкам нужно.

— Забавный ты, говоришь, как пятилетка.

Эйлин поправила браслет на левой руке, прикрывавший шрамы: три белые линии вокруг запястья. Почему-то ей не хотелось оставлять Малыша. Предчувствие, будто видит его в последний раз, вдруг нахлынуло холодной волной. И какая ей разница? Эйлин вышла из розового укрытия и услышала голос Винсента:

— Проблема в том, что ты никому не доверяешь.

— А я-то думала, что в этом моя сила, — язвительно ответила она. Не хватало, чтобы еще и Малыш учил ее жить.

— Отец говорит, что к свету легче идти по дороге доверия.

— Дурак твой отец. К свету можно прийти, только если купить хорошую обувь.

Эйлин разозлилась, тут же пожалела о своих словах, но не извинилась. Завтра, она извинится завтра.

Ближе к вечеру Эйлин на полном серьезе обдумывала идею создания магического кляпа. Лири оккупировала гардеробную, перемерила все свои наряды, некоторые по два раза, при этом ни на минуту не умолкла.

— А когда ты начнешь переодеваться? — спросила она.

— Я уже. — Эйлин расправила складки на бесформенном черном платье с высоким воротником и поправила на голове ведьмовскую шляпу, одолженную у костюмерши академического любительского театра.

Лири раскрыла рот, захлопнула, нахмурилась и выдала:

— Это никуда не годится! Не хватало, чтобы ты всех моих поклонников распугала.

— Тебя же только Ноэль интересуется.

— Конечно! Но чем больше вокруг девушки парней, тем она желаннее.

Лири взяла длинное платье из темно-синего бархата, обтягивающее, с разрезом чуть ли не до пояса, грудь навывпуск — в общем, такое, которое Эйлин никогда бы не надела в здравом уме.

— Вот, примерь. Ты, конечно, худющая, но совсем висеть не должно.

— Спасибо, — рассмеялась Эйлин. — Я пас.

Лири стала загибать пальцы: нужно сделать прическу, макияж, маникюр, так что на ложную скромность времени нет. Эйлин задумалась: вообще-то господин Зоркин намекал, что познакомит ее сегодня с сильными мира сего. Может, Лири и права: стоит приодеться. Эйлин сгребла бархат с кровати. А что, синий — очень даже подходит к ее глазам.

— И волосы распусти. — Вертиго подошла и ловко вытянула шпильки. — Такие длинные — классно, но седая прядь — серьезно? Свой цвет у тебя тоже светлый, но она все равно выделяется... Хотя, пожалуй, не так, как брови. Слишком густые! Они у девушки должны быть тонкие, ухоженные.

Лири напомнила Эйлин курицу-наседку, обнаружившую, что вырастила гадкого утенка.

С опозданием на два часа они подходили к главному корпусу, где отдыхали студенты. Некроманты, боевые маги, целители, зельевары и менталисты — все шутили, обменивались колкостями. По периметру академии светились тыквы с жуткими гримасами, гроыхала музыка.

Лири в своем наряде феи, с короткой юбкой-колокольчиком и полупрозрачными крыльями, откровенно радовалась восхищенному свисту, пока Эйлин старательно прикрывала чересчур глубокое декольте шалью.

Они поднялись по ступеням и вошли в просторный холл. Гости стояли, разбившись на небольшие группы, и оживленно беседовали, подхватывая бокалы с подносов официантов. На благотворительном балу в честь трехсотлетия со дня основания академии собрались все сливки магического общества.

— ...охраняется лучше королевского дворца, — услышала Эйлин обрывок фразы.

Да уж, никто не мог ни войти, ни выйти отсюда незамеченным, а все благодаря ориасокам, великанам-привратникам, которые несли дозор у единственных въездных ворот. Сегодня у стражей столько работы, что после обеда на подмогу отправили нескольких старшекурсников.

Двери в бальный зал, занимавший большую часть правого крыла, были распахнуты.

Помещение поражало колоссальными размерами, серебристыми узорами на стенах и куполообразным потолком до небес.

— Предчувствую незабываемый вечер, — хихикнула Лири. — Так... Если потеряемся в толпе — жду тебя в десять в галерее на заднем дворе.

Они переступили порог, окунувшись в море громких голосов, запахов и звуков. Стены украсили сетями и иллюзиями огромных «черных вдов», а на окнах болтались на сквозняке «ведьмы» на метлах. С главной люстры вниз головой свисал не кто иной, как дирижер в костюме вампира. Он ловко махал палочкой, контролируя музыкантов, восседавших посреди зала в гондоле, на встроенном озерце с кроваво-красной водой.

— Долго не продержится, — скептически сказала Эйлин.

Лири кивнула, высматривая в толпе Ноэля.

— А, Госпожа Лавкрофт, я вас ищу. Подите-ка сюда! — господин Зоркин, извиняясь на каждом шагу, проталкивался к Эйлин. — Идите за мной, хочу вас кое с кем познакомить!

Преподаватель был чрезмерно воодушевлен — наверное, выпил до бала, и не один бокал. Он все время озирался, проверяя, не растворилась ли Эйлин в толпе.

— Прикройтесь... улыбайтесь, — шептал он ей наставления.

Эйлин поправила шелковую, еще бабушкину, шаль, завязанную бантом на шее, и, когда профессор наконец остановился, растянула губы в искусственной улыбке. Перед ней с бокалом вина стоял высокий мужчина в красном фраке, с кривыми рогами на голове. И вид у него был как у правителя мира, не меньше — с таким превосходством он разглядывал окружающих. Длинные тонкие ноги, поддерживавшие приличный живот, устали, и рогатый элегантно оперся на спинку кресла.

— Прошу, ваша светлость, вот студентка, о которой я говорил. Подает надежды. Усердная. И... — Казалось, на другие похвалы воздуха не хватало, так что господин Зоркин умолк на полуслове, в каком-то полусогнутом положении просящего.

Эйлин тоже прониклась моментом, но самоуничижение преподавателя смутило, и она не знала, с чего начать разговор и стоит ли открывать рот вообще.

Рогатый только хмыкнул, больше времени уделяя своему бокалу: понюхал, пригубил вино, причмокнул и посмотрел на часы. Естественно, такому демону ада скучно на детском утреннике.

— Я хотел... — опять завел шарманку господин Зоркин, которого жизнь ничему не учила.

— Хотел? От меня полмира постоянно чего-то хочет. А вы, — он снизошел до Эйлин, — одинаково усердны во всех областях, судя по вашему вульгарному наряду?

На этом демон дал понять, что разговор окончен. Преподаватель поклонился и сделал шаг назад. За те мгновения, что они провели с рогатым, господин Зоркин вспотел; утирая платком блестящие капли со лба, он защебетал себе под нос:

— Чудесно... Просто замечательно... вышло как нельзя лучше!

У Эйлин внутри все клокотало от гнева. Так ее за два месяца еще не унижали, даже Гесс померк.

— Что чудесно?! — вспыхнула она, но профессор проигнорировал ее недовольство.

— Это Фабиан Ди Наполи, брат очень могущественного человека — советника регента. Одно его слово — и жизнь изменится!

Чья жизнь — студентки или преподавателя? Складывалось впечатление, что профессор пытался выслужиться перед герцогом, подсунув «свежую магическую кровь». Да только

пресыщенный демон ада вместо благодарности преподнес на блюде испорченный вечер. Руки все еще тряслись, и, чтобы не нагрубить преподавателю, Эйлин решила остыть на свежем воздухе.

Парадное крыльцо — вот где не таклюдно; протолкавшись в холл, Эйлин побежала к главному входу. Стоило взять у официанта коктейль, но большинство напитков по цвету напоминали папины настойки. Наконец, оказавшись на широкой ступени портика, она облегченно вздохнула, свернула направо — и лицом к лицу столкнулась с незнакомой женщиной. Та плакала.

— Простите! — извинилась Эйлин, и незнакомка, испуганно посмотрев на нее, разрыдалась еще больше. Присоединиться к ней, что ли... — Я могу вам помочь?

— Вот. — Та указала пальцем на треснувший пополам горшок, в котором росли алые орхидеи. — Чем уж тут поможешь?

Эйлин любила цветы очень выборочно, но к орхидеям питала что-то вроде уважения, поэтому предложила первое, что пришло в голову:

— Обвяжите его лентой.

Всхлипывания резко прекратились, гостя уставилась на Эйлин:

— Гениально! А я-то отчаялась. Ну как, как можно заказать флористку без подручных? Говорю: в списке значилась помощница, я точно помню! И где она? Я одна как сумасшедшая ношусь по замку и устанавливаю вазоны весь день! Приходится просить студентов, преподавателей. Я же не телекинетик какой-то, а интеллигентная дама! И вот, полюбуйте: кто-то сбросил цветы прямо с этой консоли. — Она показала на пустую декоративную подставку у входа. — Хамство, по-другому и не скажешь!

Эйлин с надеждой оглянулась, но не заметила кого-либо еще, готового помочь.

— А у вас лента есть? — поинтересовалась цветочница.

— Вон, снимите с повешенного, ему уже все равно, — предложила Эйлин, указывая на куклу, раскачивавшуюся под порывами ветра на колонне. Руки у нее были обвязаны длинной блестящей веревкой.

— Лучше вы сами...

Вот так: в бальный зал вошла перспективная студентка, а вышла помощница флористики. «Она подавала надежды и подносы». Не о ней ли это написали?

Скоро Эйлин, довольная проделанной работой, пыхла, пытаясь сдвинуть горшок.

— Что у вас за цветы такие?

— Похожи на те, что я тебе когда-то подарил, помнишь?

Насмешливый голос Реннена вывел из равновесия, сердце пропустило удар; Эйлин второй раз за вечер искусственно улыбнулась:

— Помню только, как их выбрасывала.

Она рассмотрела его костюм скелета и не удержалась от колкости:

— Вижу, ты проникся моим замечанием по поводу труп.

Реннен подошел ближе, наглым взглядом оценил вырез ее платья:

— А ты у нас девушка легкого поведения? Ничего не меняется? — Он наклонился и одним рывком поднял вазон.

Эйлин не смогла унять дрожь. Какая же дырявая, у него, оказывается, память, а заодно и душа.

Флористка, не зная, как реагировать на сцену, сорвала небольшой цветок и протянула со словами:

— В твоих волосах будет смотреться необыкновенно.

Но ее никто не слушал.

— Помнишь, ты сказал, что выше головы прыгают только акробаты или идиоты? Так вот, есть и третья категория — те, кто плевать хотел на твоё мнение.

Эйлин взяла цветок, сунула за ухо и, улыбнувшись, как королева, прошествовала в холл. Душу согревал сердитый взгляд Реннена, оставшегося наедине с незнакомой женщиной, которая тут же вцепилась ему в рукав и принялась рассказывать о своих бедах.

Лири куда-то испарилась. Зато демон в красном стоял у всех на виду, в ложе, устроенной наподобие театральной, для избранных господ. Он глядел на веселившихся людей сверху вниз и ругался — с кем, разглядеть не удалось. А вон и Ноэль Делагарди, собрал вокруг себя стайку поклонниц у оркестровой гондолы. Туда Эйлин и отправилась в поисках подружки.

— Ноа, потанцуешь со мной? — обняла смазливого блондина одна из девушек. Тот ответил отказом, и навязчивая пассия разочарованно уселась на мраморный край озера. Да тут целая драма!

Эйлин кто-то окликнул. Ну конечно: Реннен уверенно пробирался к ней мимо танцующих пар. Не зная, куда бежать от очередной стычки, она ринулась прямо к Ноа: можно спрятаться у него за спиной. В этот момент девушка, по всей видимости, не смирившаяся с отказом, вскочила и, не церемонясь, прошла мимо Ноа, напоказ задев его плечом, — ничего более глупого придумать не смогла. Делагарди от неожиданности сделал резкий шаг вперед, и остатки оранжевого коктейля из его бокала расплескались. Эйлин коротко вскрикнула, сдерживая проклятия, и сорвала намокшую шаль. Взгляд Ноа последовал прямо за коктейлем — в ее декольте.

— Извини, — улыбнулся он. Эйлин глянула в сторону Реннена: тот прекратил преследование, как только она вошла на территорию Делагарди. Джунгли какие-то! Теперь Реннен стоял в стороне, излишне внимательно рассматривая свои ногти. Ноа тоже повернул голову в сторону Монвида, даже приподнял пустой бокал в его честь. Ого, а они, оказывается, соперники.

— Потанцуем?

Она не ослышалась? Ноа-полубог приглашает ее? Эйлин на всякий случай оглянулась и по взглядам девушек, полным ненависти, поняла, что обращались именно к ней. Реннен нервно скрестил руки на груди, и это помогло сделать выбор.

Оркестр играл вальс, но Эйлин не запаниковала. Бабушка когда-то учила, что, если не умеешь танцевать — перекладывай ответственность на партнера. Ноэль очаровательно улыбнулся и закружил ее по залу.

— Не волнуйся, я тебя не отпущу, — прошептал он на ухо, и Эйлин хмыкнула. Если звездный мальчик намекает, что она слишком сильно вцепилась в его локоть, то пускай потерпит: не хватало упасть, позабавив «рогатого» герцога.

— У тебя очень нежная кожа, — сказал Делагарди и прижался теснее.

Ну все: Лири ее убьет.

— У Лири Вертиго кожа куда более мягкая, — ответила она и немного отстранилась, — и эта роковая красotka просто рвется в твой прайд.

Сбившись с такта, Эйлин наступила партнеру на ногу, но он приподнял ее за талию и сделал вид, что не заметил. Неужто перед Ренненом выставляется? Увел добычу и

наслаждается? Знал бы он, что Монвиду она не нужна, просто тому доставляет удовольствие портить ей настроение.

— Прайд — это семья, и кому попало там не место, — сказал Ноа таким низким хрипловатым голосом, что мурашки пробежали по спине.

Разговаривать во время вальса не самая легкая задача, поэтому Эйлин выпрямилась и больше не произнесла ни слова. Хеллоуин представлялся праздником мрачным, с терпким запахом крови, а не с приятным ароматом лайма от Делагарди.

Казалось, прошла вечность, пока музыка смолкла. Ноэль галантно поцеловал ей руку, промурлыкав комплимент по поводу ее сводящего с ума вида, и сказал:

— Надеюсь, я искупил вину за испорченное платье.

Ну и нахал! Такой откровенный эгоизм восхитил Эйлин. Она обернулась в поисках Реннена, но того и след простыл. Вот и прекрасно.

Оставшись одна, Эйлин мельком заметила в герцогской ложе ректора, выглядевшего бледным и встревоженным. Наверное, тоже получил порцию нотаций от его рогатой светлости.

Часы пробили десять. Подтянув повыше корсаж, она помчалась к выходу. Бросила прощальный взгляд на ложу и ахнула: герцог откровенно разглядывал ее в пенсне. Поежилась, словно от холода. Ну и неприятный тип, бр-р! Ничего, однажды она тоже вот так посмотрит на него — а он заискивающе улыбнется в ответ.

Во дворе стало прохладно, и, чтобы согреться, Эйлин начала прохаживаться вдоль колонн галереи, соединявшей главное здание с факультетом менталистики и общим лекториум. Своего рода замок-лабиринт, в котором невозможно потеряться, но и найти трудно.

Да где Лири запропастилась?

Сбоку от высоких ступеней, по которым сходили усталые гости, в полутени кто-то курил. Уголек на конце сигареты ярко вспыхнул, и Эйлин восхищенно замерла. Алые губы, высокие скулы, бледная кожа. Красивая незнакомка одной рукой придерживала меховую накидку на плече, второй элегантно держала мундштук. Ее лицо и волосы прикрывала черная вуаль, которую пришлось приподнять. Курить на территории академии запрещалось, но, очевидно, не этой шикарной даме. Она хорошо вписалась бы в жены герцога Ди Наполи. Единственное, что не вписывалась в утонченный облик, — объемная сумка, висевшая на плече.

— Ничего не забыла?

Эйлин подскочила, словно ее застучали за чем-то непристойным.

— Сколько можно ко мне подкрадываться?! — сказала она, отойдя вглубь галереи, чтобы женщина не заподозрила ее в подглядывании.

Реннен медленно приблизился, набросив уже подсохшую шаль ей на плечи, наклонился и вдохнул аромат орхидеи, потом так же спокойно взял за руку и нежно провел пальцем по запястью, где под завитками браслета бледнели шрамы. Это уж слишком!

— Все, я растаяла. Не пойму, чего ты добиваешься, если честно.

— Ностальгия, пожалуй. Почему не вывела шрамы? Сходила бы к целителям...

— А ты?

Реннен смутился и, сунув руку с широким кожаным браслетом в карман, прислонился к колонне с куклой висельника.

— Не связывайся с Делагарди, — вместо ответа выдал он.

— Тебя как раз и забыла спросить.

Даже в идиотском костюме скелета Реннен был хорош — лучше, чем в школе, когда она не могла оторвать от него глаз. Там, в прошлой жизни, они шептались друг другу ласковые слова... пока он не растоптал ее сердце. Горечь их расставания нахлынула волной, и Эйлин отвернулась, чтобы не смотреть на Реннена.

— Серьезно, Делагарди — тот еще отморозок, — добавил он.

— То есть не хуже тебя.

Эйлин заметила Лири, махавшую ей рукой.

— Эй, Лавкрофт, сюда! — кричала подруга, привлекая всеобщее внимание.

Бросив холодное «пока», Эйлин побежала ей навстречу. Впереди еще одна вечеринка, и страшно хотелось отвлечься.

— Твой бывший маньяк? — Лири свернула на аллею, ведущую в сад. — Симпатичный, конечно, но есть в нем что-то отталкивающее. Так что между вами было-то?

Эйлин растерла ладонями озябшие плечи. Почему она должна говорить о нем? Все уже забылось... наверное. Но и молчать не вариант. Лири начнет придумывать свои версии, а потом поползут по академии невероятные слухи. Проще закрыть тему раз и навсегда.

— Он не считал меня ровней, скрывал наши отношения даже от самого себя, а потом ушел к другой. Все, конец истории.

— Уверена? По-моему, он к тебе так и не остыл, — хихикнула Лири.

— Что за привычка выдавать желаемое за действительное?! — Самое время менять тему; набрав полные легкие воздуха, Эйлин выдала: — Не хочу ранить твои чувства, но лучше узнай от меня: я танцевала с Ноа, пока ты где-то пропадала весь вечер.

— Не может быть! Серая мышка оказалась коварной разлучницей! — Лири остановилась, театрально заломила руки, но тут же рассмеялась. Эйлин облегченно вздохнула. Все-таки были в Лири и плюсы — оптимизм, например. — Думала, расстроюсь? Глупости какие! Это всего лишь танец. Ну-ка, рассказывай подробности!

Дорогу до бассейна, который построили пару лет назад недалеко от жилой части замка, они решили срезать, поэтому сейчас продирались через кусты в полной темноте. Ночь первого ноября выдалась на редкость холодной, особенно после солнечного дня, не спасал даже тепловой магический купол, установленный над академией для снижения расходов на отопление замка. Эйлин пожалела, что не сходила за верхней одеждой. Лири тоже знобило: ее губы подрагивали, а руки покрылись гусиной кожей.

— Как темно. — Вертиго нахмурилась. — Неужели все отменили?

Действительно, на фоне ночного неба перед ними возвышался безжизненный темный ангар. Ни лучика не пробивалось сквозь стеклянный купол. Эйлин присмотрелась внимательней. Ощущение, что воздух над бассейном плотнее окружающей среды, будто кто-то растянул невидимое покрывало. Точно! Луна, выглянувшая из-за набежавших туч, осветила два мужских силуэта по краям здания. Они напряженно вскидывали руки то в стороны, то вверх, будто управляли несколькими невидимыми воздушными змеями одновременно.

— Вечный холод и тьма-а, — шепнул кто-то за спиной Эйлин, — и пустота... а-а-а, толкаться-то зачем?!

Под девичьи проклятия худой парень выпрыгнул из кустов на лужайку и зашелся в приступе смеха.

— Самый умный? — яростно зашипела Лири, выбравшись наконец из зарослей. — Я

чуть не умерла от страха!

— Вы на вечеринку? Давайте за мной!

— Никуда мы с тобой не пойдем, извращенец.

— Тише ты. — Эйлин указала на людей. — Видишь, вон там?

Лири непонимающие уставилась на силуэты.

— Иллюзионисты высшего класса, — вмешался незнакомец. — Ткут покрывало-невидимку — моя идея, если что. Я Киден, предсказатель.

Эйлин недоверчиво смерила его взглядом. Тощий, сутулый, длинные сальные волосы собраны в хвост, жиденькая бородка, которой он, видимо, очень гордился. Но самое главное — глаза: большущие, слегка навывкате, казавшиеся абсолютно черными в темноте.

— Давай погадаю. — Киден без церемоний схватил Лири за руку и повернул ладонь вверх. — Переохлаждение, болезни, смерть и забвение ждут вас, если хоть минуту еще здесь проторчите.

— Пощечину, а может, и пинок получишь ты, если не отпустишь меня сию же секунду! — ледяным голосом отозвалась Лири.

Киден пожал плечами, но руку выпустил. Он направился ко входу в здание, жестом приглашая за собой.

Внутри оказалось тепло и шумно. Холодный огонь, которым пользовались в академии вместо электричества, горел кое-где в факелах, и в полумраке с приглушенными голосами атмосфера была более чем интимной. Киден нырнул в толпу и появился снова через несколько мгновений. В руках — два стакана с подозрительно яркой жидкостью неопределенного цвета.

— Дамы... — Он вычурно поклонился, едва не расплескав напитки.

— Только чтобы согреться. — Лири взяла протянутый стакан и, зажмурившись, отхлебнула. — У-у-у, обжигает!

Эйлин отрицательно покачала головой.

— Тогда, может?... — подмигнул ей новый знакомый, сделав пальцами знак покурить.

Как же она сразу не догадалась: а предсказатель-то на допинге! Как и в любом нормальном учебном заведении, наркотики и психотропные вещества находились в академии под запретом. А вот различных грибов, трав и некоторых видов плесени это никак не касалось. Наоборот, Винсент говорил, что употребление в разумных количествах практиковалось телепатами для быстрого вхождения в транс. Другое дело, что некоторые провидцы ими злоупотребляли. Раньше за такое исключали, но теперь просто штрафовали родителей и проводили профилактические беседы.

Эйлин поймала вопросительный взгляд Кидена и снова покачала головой.

— Как хочешь. — Он залез в карман и забросил в рот щепотку какой-то серой трухи.

— Кид, — Лири выхватила у него второй стакан и залпом выпила половину, — принеси еще.

— Без проблем! — весело отозвался он, обнажив в улыбке зубы с налипшей на них серой массой.

Едва Киден скрылся в толпе, Лири потянула Эйлин в сторону бассейна, где разворачивался нешуточный поединок.

— Вот он! — шепнула взбудораженная Вертиго.

Ноэль Делагарди на корточках сидел у воды, погрузив в нее левую кисть; светлые пряди волос падали на глаза, и он все время отбрасывал их взмахом головы. Его соперник, рыжий

лопоухий паренек, припал на колено возле развернутой кадки с землей, комкая ее руками. Рядом на небольшой площадке прыгали две полуметровые фигурки, созданные магами.

Длинный водяной дракон извивался и атаковал человекообразного земляного голема. Тот пытался увернуться, но оказался не очень юрким. Дракон прыгнул вперед, и рука серого человечка, обернувшись грязью, смачно упала на пол. Большая часть студентов взвыла. Ноэль победно улыбнулся. Рыжий схватил ветку пальмы, вывернутой из горшка, и позади дракона из земли выросло растительное щупальце. Секунда — и оно с молниеносной быстротой рухнуло на дракона, разрубив его пополам и наполнив воздух прохладными брызгами. Остальные зрители заулюлюкали.

Эйлин присмотрелась повнимательней: ну конечно, противник дракона — ориасок, уменьшенный в несколько раз. Зато принцип действия у него такой же: сплав земли и растений, вездесущий, нестигаемый. Против такого устоять нет шансов.

Ноэль прищурился, мышцы его напряглись; он развернулся к бассейну и опустил туда вторую руку. Тут же на месте поединка вода отделилась от грязи, и лужицы стали стекаться в одну, из которой поднялся тот же дракон, но теперь уже ростом с человека. Зверь оскалился, сверкнул прозрачными чешуйками и прыгнул на хозяина голема. Рыжий не выдержал напора воды и свалился на спину. По толпе прокатились восхищенные возгласы.

— Ты смухлевал! — набычился рыжий.

— Победителей не судят, — неожиданно встряла опьяневшая Лири.

Ноэль глянул в их сторону и, заметив Эйлин, приветственно взмахнул рукой.

— Смотри, какие мышцы, — протянула Вертиго.

Зрители радостно завизжали. Вперед выбился невысокий плотный парнишка:

— Как и договаривались, проигравший приговаривается к пинте темного эля.

Тут же в руки рыжему, мокрому и несчастному, всучили кружку с какой-то темной пенящейся жидкостью, на которую тот уставился с отвращением.

— А Ноэлю налейте медового, специально для победителя варили! — продолжил крепыш.

— Так себе приз, — весело сказал Ноэль.

— А на что ты рассчитывал?

— Когда шел на вечеринку у бассейна? — Делагарди театрально обвел пространство рукой. — Наверное, на симпатичных девчонок в купальниках.

Несколько его друзей, стоявших рядом, радостно заржали:

— Качать победителя!

Они подхватили Ноа на руки и начали подбрасывать вверх, выкрикивая гимн боевых магов.

— Куда вы подевались? — Через толпу к Эйлин и Лири пробивался Киден. Его лихорадило. Глаза навывкате, лоб блестел. В руках он нес стаканы.

— Подержи-ка. — Вертиго передала Эйлин свой пустой и выхватила новый у Кидена. — Спасибо. А теперь — отвали, слизняк!

Парень замер, растерянно пялясь на Лири. До него, очевидно, уже не доходил смысл услышанного.

— Тебе хватит. — Эйлин попыталась забрать пойло у подруги. — Прекрати так себя вести, ты...

Но договорить не успела. Толпа, в которой они оказались, снова завывала и расступилась. В центре оказались Ноэль и высокий студент-старшекурсник, показавшийся Эйлин смутно

знакомым, который закричал:

— Исполним же просьбу победителя!

Он знаками показал Ноэлю присесть на перевернутую кадку. Тот подчинился, с любопытством наблюдая за происходящим.

Высокий старшекурсник зачерпнул горстку земли, растер ее в руках и сделал несколько неуверенных пассив. В воздухе проявился силуэт. Еще несколько мгновений — и он принял окончательную форму: стройная мулатка с огромной грудью в вульгарном красном белье. Иллюзия хоть и оформилась, но оставалась полупрозрачной и подрагивала. Да, нелегко удерживать концентрацию, будучи в стельку пьяным, а уж создать реальную на вид иллюзию, как, например, того президента из 1960-х, которым управлял советник-маг, — и подавно. Эйлин обвела глазами стриптизершу и фыркнула: тратить энергию на *такое*.

Мулатка томно облизала губы и начала обходить толпу по кругу, виляя задом. Ноэль улыбался, но взгляд его оставался скептическим. Дружки рядом гоготали и уговаривали мулатку станцевать у победителя на коленях.

— Ну все, — Лири осушила стакан. — Мой выход.

Эйлин только ахнула, а Вертиго уже выскочила в центр толпы. Направляясь к Делагарди неровным, но решительным шагом, она прошла сквозь иллюзию. Мулатка задрожала, но не рассеялась.

— Она, конечно, красotka. — Язык Лири немного заплетался. — Но вряд ли согреет тебя.

Под визги и одобрителный хохот Лири провела по своему телу руками и звонко хлопнула ладошками по крутым бедрам. Высокий иллюзионист присвистнул. Вертиго попыталась сделать какое-то танцевальное па в духе стрептизерши, но оступилась и чуть не упала. Благо у Делагарди оказалась отменная реакция. Он подхватил ее в полуметре от пола, не дав рухнуть.

Эйлин сгорала от стыда за подругу. Вертиго же, наоборот, млела от удовольствия.

— Женщины частенько падают к моим ногам, — ласково, как маленькому ребенку, обратился к ней Ноэль. — Этим меня не удивишь.

— И почему тебе достаются самые хорошенькие? — с напускной обидой сказал стоявший рядом иллюзионист.

Он отвлекся, а мираж, оставшись без контроля, стремительно перешел в точку искажения. Мулатка начала пухнуть, ее тело рвалось на части. Хорошенький ротик на глазах превращался в зияющую рану, глаза запали — вместо женщины над окружающими возвышалось чудовище. Несколько студентов взвизгнули, кто-то смачно выругался. Все затаили дыхание. Иллюзия последний раз безмолвно раскрыла свою пасть, осыпалась, словно прах, и исчезла.

И тут гробовую тишину прорезал визг.

Эйлин обернулась. В нескольких шагах от нее на мраморном полу в припадке бился Киден. Его огромные глаза закатились, кровь отхлынула от лица, а кожа приобрела неестественный земляной оттенок.

Время застыло. Никто даже не шевельнулся. Эйлин первой бросилась к бедняге — он задышался на глазах, изо рта повалила пена.

— Зовите на помощь! — растерянно прокричала она.

— Нельзя! — отозвался крепыш. — За такое влетит по первое число.

— Зови! — рявкнула Эйлин.

— Я пойду, — вызвался Ноэль. Он передал ничего не понимающую Вертиго на руки иллюзионисту.

Студенты ожили, загудели, большинство поспешило ретироваться. К счастью, до общежитий рукой подать.

— Давайте-давайте! — Крепыш засуетился, принявшись расталкивать самых пьяных, которые успели задремать.

Эйлин скомкала свою шаль и подложила под голову Кидену, у которого изо рта вовсе пошла бурая пена. Что там еще нужно делать во время приступа эпилепсии? Разжать челюсть? Ничего не получалось. Его тело выгнулось дугой последний раз и обмякло. Киден тяжело дышал и пробовал приоткрыть глаза.

— Холодно...

— Успокойся. — У Эйлин от потрясения охрип голос.

— Станет холодно. Золотого льва погребут под землей, и зло вырвется наружу. Вырвется наружу, — бредил Киден, его сбивчивый шепот растворился в звуках приближающихся шагов.

— Кто? О чем ты? — не поняла Эйлин.

Но Киден уже умолк и уставился перед собой — к нему бежал Флокс Гарден, воспитатель мужского общежития.

— Вот он! Я его видел! Демон, — неожиданно заорал Киден и захохотал как ненормальный. Да у него мозги от всякой дряни расплавились. Эйлин разозлилась: ее оставили одну с припадочным! Все, кроме Ноэля...

За Гарденом, переваливаясь, влетела раскрасневшаяся Зельда. Впервые на памяти Эйлин она проявила сильные эмоции: на ее лице отражался первобытный ужас. Также пришли несколько замковых работников из людей, заспанных на вид. Процессию замыкали ректор и Делагарди. Господин Вейнгарт прихрамывал. На его лице читались боль и праведный гнев. Ноэль что-то пытался объяснить, слов не разобрать.

— Какой кошмар! — выла Зельда. — Бедная девочка. — Она трясла неожиданно потерявшую сознание Вертиго. Эйлин не стала вмешиваться, подозревая, что Лири таким образом пыталась скрыть свое опьянение.

— Уймитесь вы! — бросил ей Флокс, падая на колени и нащупывая пульс у Кидена.

От подобного драматизма Эйлин опешила. Решив, что ее помощь больше не нужна, она поднялась и медленно пошла к выходу. Когда поравнялась с ректором, он тронул ее за плечо.

— Я знал, что без скандала не обойдется, но вас ожидал увидеть здесь в последнюю очередь. Мне казалось, у нас договоренность. Вы разочаровали меня.

Пожалуй, стоило напиться и упасть рядом с Лири. Но, с другой стороны, ректор несправедлив: Эйлин только что помогла студенту. В школе она часто сносила обиды, но академия постепенно искореняла ее вредные привычки.

— Если бы не я, Киден пролежал бы здесь один до самого утра... Иногда нужно оказываться не в том месте и не в то время хотя бы для того, чтобы спасти человека. Так что я не стану оправдываться.

Господин Вейнгарт молча склонил голову, приняв ее объяснения. В его глазах промелькнуло уважение.

Усталая, Эйлин свалилась на кровать прямо в вечернем платье, но стоило закрыть глаза, как чьи-то цепкие пальцы принялись трясти за плечо. Резкий запах лаванды заставил поморщиться: ее пыталась добудиться Зельда.

— Лири в лазарете, — доверительно сообщила она.

Эйлин нехотя открыла глаза, и дневной свет озарил догадкой:

— Сколько я проспала?

— Да уж полдень.

Голос Зельды казался непривычно добрым, каким-то странным... почти заботливым. И еще она назвала Лири по имени, не «бесстыжая Вертиго», как обычно. Так вот какую тайну хранила древняя смотрительница спален: она испытывала, хоть и глубоко спрятанное, сострадание к своим подопечным.

Эйлин хотела поблагодарить, но вместо этого закашлялась. В горле першило, а голова просто раскалывалась.

Сжав ладонь взволнованной воспитательницы, она встала с постели и распахнула шторы. Вокруг — гробовая тишина, будто каждый прятался в своей норе. Понятное дело: все, кто присутствовал на вечеринке или прослышал о ее последствиях, не покажут на улицу и носа. Но все равно: куда подевались остальные студенты?

Уловив вопрос во взгляде, Зельда, словно прорисовав в голове план академии, махнула рукой в сторону окна:

— Его светлость герцог Ди Наполи задержался на один день, чтобы провести лекцию по моральному облику будущих магов. Так что собирайтесь и бегите в общий лекторий, скоро начнется. Лири сейчас уже не успеете провести. Спать нужно меньше. — Воспитательница вернулась к своему обычному тону.

Такая бессердечность по отношению к гулявшим до полуночи начинающим магам легко могла найти объяснения у любого, кто хоть раз встречал рогатого.

— Вот тебе и выходной.

Эйлин наспех переоделась в гардеробной, натянув первое попавшееся под руку платье: черное, до колен, с серебристым ремнем — заколола волосы в пучок, обула ботильоны и, выпив стакан воды, понеслась в лекторий.

Моросил дождь, смывая остатки сонливости; мелкие капли, как иголки, пронизывали воду в фонтане, который являлся центром всего замка. Обычно там сидели влюбленные парочки или студенты, прогуливавшие лекции, но сегодня популярное место пустовало. Несмотря на предобеденное время, академия словно преждевременно ушла в зимнюю спячку.

Обогнув парк, Эйлин бросила взгляд на сиявший обычно багрово-золотой витраж бального зала: один из слуг-игнаруссов, ухватившись рукой за стремянку, второй пытался оттереть огромное пятно непонятного происхождения. Да, погуляли вчера на славу.

Эйлин взбежала на крыльцо главного лектория и заглянула внутрь: кто-то из преподавателей недовольным голосом просил сидеть ровно, не спать во время лекции — в общем, притворяться заинтересованными. Зал оказался забит студентами, морально не готовыми к истязанию скучной речью пускай даже и герцога — после бала, в выходной их не расшевелил бы даже сам регент.

Ди Наполи уже испортил ей вечер, но еще и новый день — это чересчур. Эйлин обошла ряды сидений справа, незаметно юркнула через боковую дверь в галерею и быстрым уверенным шагом направилась в пустовавшую столовую, затем, по другой соединявшей галерее, — в лазарет.

Уж лучше жалобы Лири, чем бесполезная лекция. Но дежурная медсестра, явно из телепатов-гениев, сидевшая на пропускном пункте, остановила ее недовольным кряхтением.

— Если у вас нет пропуска, то лучше сразу разворачивайтесь, — не поднимая глаз от книги, монотонно проговорила она.

Черт! Пропуск забыла.

— Мне только...

— Нет!

Эйлин раздраженно вздохнула и вышла. Стоило хлопнуть дверью, но на пустом месте спектакль устраивать не хотелось. Раздосадованная, решила было переждать лекцию в розарии рядом с лазаретом, но тут неожиданно нос к носу столкнулась с Малышом. Вырванная из своих мыслей, Эйлин даже испугалась, отчего стало неловко: совсем забыла, что у них скоро занятия.

— Что-то ты рано, — заметил Винсент, оценивающе глядя на нее. — Хорошо повеселилась?

— Лучше некуда, — ответила Эйлин и обрадовалась: — Ты ведь на свои процедуры идешь? Узнай, как там Лири Вертиго.

Винсент скорчил гримасу, словно она просила погладить лягушку.

— И зачем ты с ней вообще связалась? Не пойму.

— Хороший вопрос, обязательно подумаю об этом, — натянуто улыбнулась Эйлин. — Но ты узнай, пожалуйста.

— Хорошо. Жди меня на нашем месте, если хочешь, но раньше чем через полчаса не вернись.

— Подожду, все равно деваться некуда.

Эйлин спустилась во двор и вдруг вспомнила таинственную незнакомку, которую видела вчера. Интересно, кто она такая? Не мать большого семейства точно. И не безвольная женушка какого-нибудь старого герцога: слишком независимо держалась. В ее движениях, позе угадывались властность и чувство превосходства, причем не без оснований. Незнакомка воплощала будущее, к которому Эйлин стремилась, но мечта грозила остаться несбывшейся.

Подавив приступ жалости к себе, она свернула в розарий, обнесенный каменным забором. Это, несомненно, самое красивое место в академии и единственное, помимо библиотеки, где можно уединиться. Студенты, если не считать парочек, редко заглядывали в цветущий уголок, несмотря на притягательное буйство красок. Большое окно лазарета выходило именно сюда — пугать симулянтов и прогульщиков. А еще поговаривали, что в розарии когда-то давно, еще при старых хозяевах, покончила с собой девушка, и теперь ее призрак наблюдает за отдыхающими, сводя их с ума.

Кто бы ни выдумал такую чушь, Эйлин испытывала к нему несказанную благодарность. Она плюхнулась на скамейку и, не зная, чем себя занять, стала напевать. Вообще-то музыка ей всегда нравилась, особенно рок-оперы, но родители не хотели, чтобы дочка стала музыкантом — по их мнению, это еще хуже колдовства.

Вдруг из парка донеслись голоса. Один резкий, грубый, второй расслышать не удавалось. Кто-то кого-то догнал и, кажется, чем-то угрожал. Странно. Эйлин тихо поднялась

и выглянула из-за невысокого каменного ограждения. Кажется, следить за другими входит у нее в привычку.

Со стороны одинокого фонтана приближались Реннен и Ноэль. Реннен казался злым, пытался хватать блондина за локоть, но тот лишь рассеянно мотал головой и просил пойти куда подальше. С Делагарди творилось нечто, явно ему не присущее: он не реагировал на оскорбления.

Скоро парни почти поравнялись с Эйлин — и ей пришлось присесть, чтобы спрятаться. — Я сказал тебе: держись подальше! — выкрикнул Реннен.

Ноэль опять проигнорировал. Он уверенно шел к галерее, даже не пытаясь пригладить волосы, беспорядочно падавшие на глаза. Страшно захотелось выскочить и заступиться за Делагарди, в конце концов, он выглядел таким печальным...

В лазарете громко хлопнули двери, и спустя пару мгновений раздался неуверенный голос Винсента:

— Сейчас, иду!

Ну вот, теперь выходи не выходи, а все равно подумают, что она специально подслушивала. Но шаги Винсента почему-то стали затихать, он что — ушел по галерее в столовую? Эйлин наплевала на секретность и, встав в полный рост, окликнула приятеля. Тот не услышал и скрылся за еще не убранными декорациями, древними доспехами и плющом, обвивавшим мраморный коридор с колоннами, как зеленое покрывало.

А потом все исчезло. Если бы можно было описать произошедшее одним словом, то Эйлин сказала бы, что она ослепла. Боль от яркой вспышки в галерее заставила застонать; тонкий писк магии продолжил рассекать пространство, и Эйлин упала на колени, закрыв уши ладонями.

До нее донеслись короткие звуки борьбы, скрежет и лязганье. Там же Малыш! От этой мысли стало плохо, паника сдавила грудь и волной хлынула к горлу. Она слишком далеко, но может успеть! Эйлин наконец пришла в себя и бросилась к ступеням, но ее окликнул Реннен:

— Ненормальная, куда ты? — Он в мгновение догнал ее и обхватил руками сзади, вокруг талии, отрывая от земли, чтобы не могла убежать.

— Пусти! Там же Винсент! — орала Эйлин, но Реннен не слушал, сдержанно принимая ее неуклюжие удары локтями.

Ноэль, к удивлению обоих, не раздумывая, кинулся вперед и так целеустремленно побежал, словно от этого зависела его жизнь.

— Трус, — зло шепнула Эйлин, и Реннен проямлил какое-то ругательство.

— Глупая, там произошла вспышка магической энергии. В такие моменты нужно держаться подальше, если дорожишь жизнью.

Нравоучения только распалили, но пришлось сдаться. Наверное, решив, что она вняла логике, Реннен ослабил хватку, и Эйлин, выкрикнув проклятия в его адрес, вырвалась из сильных рук. Нужно помочь Винсенту! Бежать туда, за Ноэлем, быстрее!

По галерее полз густой туман, но впереди все равно были различимы едва уловимое движение, странные тени... И запах дыма — нет, скорее, горелого мяса, смешанный с сыростью. Первой мыслью заверещало: кто-то умер. Думать, кто именно, совсем не хотелось. У Эйлин подогнулись колени, вспомнилось, как стояла на похоронах отца и все таращилась на открытый гроб. Она оперлась на колонну и медленно пошла вперед. Реннен следовал за ней, близко, будто готовился подхватить в любой момент.

Рядом с галереей с громким, разрушительным хрустом прямо из-под земли вырос

корень и змеей преградил путь. Переступила его, но тут же появился новый — большой, как щупальце. Ориасоки! Нужно действовать проворнее! Эйлин проскочила вперед, до теней, которые почти растворились в тумане — вот же они, так близко, только протяни руку... Корень обхватил ее лодыжку и свалил на землю.

— Не двигайся, он тебя покалечит! — скомандовал Реннен, и Эйлин замерла.

Длинные корни и ветви ориасоков, хранителей замка, уже обвивали галерею на месте происшествия по периметру. Они стремительно росли и превращались в молчаливых слуг. Один из них вышел из мистической поволоки и остановился возле Эйлин. Заросший мхом, с потрескавшейся кожей, похожей на кору старого дерева, и взглядом холодного убийцы... Быстро же явились, защитнички, только зачем нападать на невинных?

На место происшествия уже начала подтягиваться прислуга, оказавшаяся поблизости, а из лазарета пришел взволнованный лекарь. Никаких прямых вопросов, только шушуканье. Такого в академии еще не случалось — непонятно, как действовать. Ждали распоряжений, но никто не спешил их давать.

Ориасок продолжал пялиться на Эйлин своими грязно-желтыми глазищами, потом медленно махнул тяжелой рукой, и корни сползли с ноги. Эйлин облегченно вздохнула, но подняться сразу не смогла: лодыжку прострелила боль.

— Что здесь происходит? — возмущенно, словно ему все должны, спросил Флокс Гарден. Эйлин вперила взгляд в его зеленые ботинки, настолько не подходившие официальному костюму, что стоило бы рассмеяться. И как он успел все рассмотреть? Причем прибежал откуда-то из дворов. Может, он тоже находился в лазарете и вышел через черный ход? Скорее всего, кто-то из его подопечных лечит похмелье.

— Винсент Фрог как раз шел в ту сторону, когда случился взрыв... все это. — Как еще назвать окружавшую неразбериху, Эйлин не придумала.

Флокс удивленно булькнул, ошарашенный ее замечанием, и пошел напролом, но ориасок встал у него на пути.

— Да как ты смеешь! — оскорбился Флокс, он нахохлился и даже привстал на цыпочки, пытаясь испепелить стража взглядом, но тот лишь равнодушно сложил руки на груди. — Если не пропустишь меня, пожалеешь!

Ориасок, на миг прищурившись, еще раз осмотрел Гардена с ног до головы и отступил в сторону. Невероятно! Кто бы мог подумать, что смотритель мужских спален может приказывать великанам.

Тошнотворный запах горелой плоти раздражал, хотелось одновременно бежать прочь и остаться, чтобы выяснить подробности. Но объяснений сейчас все равно не дождешься, остается только надеяться, что Винсент выжил.

— Давай помогу, — протянул руку Реннен, при этом стараясь разглядеть, что же происходит за спиной у древообразного стража. — Или ты ждешь Делагарди?

Фыркнув, Эйлин поднялась сама и, сдержав стон, оперлась ладонью на колонну.

— Может, и жду, не твоего ума дело.

Кстати, а куда Ноэль делся? Он-то наверняка добрался до места раньше ориасоков и все видел. Эйлин сделала несколько шагов и поняла, что самостоятельность обойдется дорого; еще одно движение — и в глазах потемнело. Она покачнулась, но не рухнула: чьи-то крепкие руки подхватили и оторвали от земли. Чтобы удержать равновесие, Эйлин машинально обвила шею спасителя — и встретила взглядом с насмешливыми карими глазами Реннена. Сердце возмущенно трепыхнулось: любит же он играть благородного рыцаря на публику!

— Все в порядке, отпусти меня, — выпалила Эйлин, но Реннен лишь ехидно ответил:

— Думаешь, носить тебя на руках — предел моих мечтаний?

Внутри все закипело: хотелось извернуться и вклеить нагледу пощечину. Но ссориться глупо: до лазарета она сама не доберется, старый лекарь уж точно ее не дотащит, так что чем тише себя поведет, тем быстрее избавится от Реннена.

Та же постовая медсестра, которая не пустила Эйлин в лазарет, стояла на крыльце. Похоже, магический взрыв даже ее не оставил равнодушной.

— Эйлин Лавкрофт, как всегда, нуждается в помощи, — сказал Реннен.

Процедив холодное «спасибо», Эйлин попыталась отстраниться, и Реннен, не церемонясь, поставил ее на крыльцо, развернулся и ушел, не попрощавшись.

Лазарет размещался в старинной части замка, на месте первых построек. Внутри — серые каменные стены, окна-бойницы, не считая большого окна, выходившего на розарий, и деревянные двери с железными кольцами. В общем, не самое популярное место у студентов, так что со всей работой справлялись один лекарь, две медсестры и медбрат.

Привычных табличек, как в клинике, на дверях не было, только численные и буквенные обозначения. Эйлин проводили в одну их комнат — большое помещение с кушеткой, ширмой и застекленными шкафчиками.

— Вывих лодыжки, — осмотрев рану, констатировал лекарь, древний старик по фамилии Стрегоне. — Не волнуйся, поставим тебя на ноги — и глазом моргнуть не успеешь.

Он сипло рассмеялся и достал из шкафчика какую-то баночку. Крышка с легким хлопком открылась, и в воздухе запахло мятной жвачкой. Стрегоне зачерпнул немного мази изумрудного цвета и нанес на щиколотку Эйлин. Боль тут же притупилась. Лекарь, не касаясь, стал водить руками над местом травмы, отчего под кожей словно расползлись ледяные искорки.

— Будь ты простой смертной, этого хватило бы, — извиняющимся тоном начал доктор. — А так придется наложить повязку. За полвека, что я здесь проработал, не случилось такого, чтобы ориасоки калечили детей.

Через несколько минут он закрепил бинт:

— Все, можешь идти!

Эйлин осторожно соскользнула на пол: терпимо.

— А остальные? — спохватилась она. — Там были Фрог и Делагарди, что с ними?

— Не знаю, — развел руками лекарь и пробубнил себе под нос: — Надеюсь, других пострадавших нет.

Стрегоне отправил Эйлин отметить в журнале, а сам остался в перевязочной. На посту сидел медбрат, молодой, с круглым лицом, усеянным рытвинами, как после порезов.

— Привет, — сказал он. — А я за тебя заполняю. Сама понимаешь, журнал — серьезная вещь, он здесь на века. Нас с тобой уже не будет, а журнал останется. Так что отнесись ответственно. Осталось вписать имя и факультет. Справишься? Меня наверху пациент ждет, так бы я, конечно, помог.

Подмигнув Эйлин, он направился к лестнице. Со второго этажа доносились приглушенные взрывы хохота. Видимо, студенты после попойки наконец приходили в себя.

«Хорошо бы навестить Лири», — подумала Эйлин, старательно вписывая свое имя в графу — сразу под аккуратно выведенным «Винсент Фрог». Она полистала журнал — Фрог, Фрог, Фрог. Каждый день в одно и то же время, даже в выходные. Кабинет РЗ.

Интересно, что же он все-таки делал в лазарете? Интуиция подсказывала, что стоит выяснить. Если Винсент жив, то вряд ли обидится из-за вмешательства в частную жизнь. А если мертв... то ему точно все равно.

Сейчас или никогда.

Прихрамывая, Эйлин пошла вдоль по коридору. Табличка, табличка... Поворот. Небольшой холл с запасным выходом. А вот и РЗ! Эйлин дернула за ручку — не заперто. Внутри оказалось довольно тесно, пол и стены выложены черным мрамором, на окне — плотные шторы. В полумраке в центре комнаты высилось странное металлическое устройство, напоминающее вертикально стоящий саркофаг, один в один — железная дева. От него во все стороны тянулись провода. Часть вела к столу с множеством рычагов, другая — к различной формы зеркалам, окружавшим саркофаг. Эйлин подошла ближе. Пришлось приложить усилия, чтобы сдвинуть крышку пыточного прибора. Внутри, однако, не оказалось никаких шипов, только длинный вертикальный штырь посередине и прикрепленные к нему крест-накрест металлические планки. На каждой — широкие кожаные ремни, видимо, чтобы закреплять руки и ноги.

Ничего подобного прежде Эйлин не видела даже в фильмах ужасов. Для чего могло использоваться это устройство? Что именно здесь делал Фрог?

Из-за двери донесся шум: кто-то вошел через черный ход. Громкие мужские голоса приближались; Эйлин поняла, что выйти незамеченной из кабинета не успеет. Ничего не оставалось, кроме как замереть на месте.

— Как он мог исчезнуть?! Как такое вообще могло произойти?

— Напомню, что я не единственный маг в академии...

Кажется, оправдывавшийся голос принадлежал господину Вейнгарту. Эйлин осторожно приоткрыла дверь: Ноэль и Флокс вели под руки ректора. Его правое плечо было перевязано куском ткани, насквозь пропитавшимся кровью. Они миновали РЗ, не заметив Эйлин, их спины скрылись за поворотом. Было слышно, как ректор протяжно застонал, и воцарилась тишина. Ненадолго.

— Погиб студент! Вы понимаете? — ревел Флокс.

— Конечно, — устало отозвался ректор. — Я не собираюсь отрицать своей вины. Похоже, мы не смогли обеспечить должную защиту, но повторюсь: я далеко не самый могущественный маг. Мы должны обо всем сообщить регенту и...

— Я позабочусь об этом, уж поверьте! — перебил Флокс и рывкнул, обращаясь к Ноэлю: — Жди здесь!

Громко хлопнула дверь. Внутри у Эйлин все оборвалось, в голове застучало. Погиб! Малыша Винсента больше нет...

Что там такое? Кажется, Флокс и господин Вейнгарт оставили Делагарди одного в коридоре.

Эйлин вышла из укрытия и направилась к Ноэлю. Бледный, он смотрел сквозь нее, словно находился далеко отсюда.

— Ноэль?

В своей растерянности он напоминал ребенка, никакой спеси и заносчивости. Сейчас он был настоящим.

— Что там случилось? — Эйлин взяла его за плечи и потрясла.

В глазах Ноэля мелькнули узнавание и облегчение.

— Не знаю. Все было в тумане, дым... ректор в крови, и труп.

Эйлин прикрыла рот рукой, на глаза навернулись слезы.

— Бедняга. — Взгляд Ноэля заскользил мимо Эйлин, будто он снова вернулся мыслями в галерею. — Весь обгорел, кожа с лица слезла... Я больше спать не смогу, кажется, он так и смотрит на меня единственным черным глазом. — Ноэль прислонился лбом к стене и замолчал.

Эйлин вспомнила небесные глаза Винсента, и в душу закралось подозрение: черный?

Задняя дверь снова открылась, и в лазарете появились игнаруссы. Невысокие, широкоплечие, с маленькими головами и длинными руками, они всегда безразлично выполняли любую грязную работу. Сейчас четыре игнаруса тащили что-то завернутое то ли в штору, то ли в старое покрывало.

Сомнений нет: в некоем подобии гамака молчаливые слуги несли тело. Сверху его прикрывала еще одна холщовая тряпка, из-под которой свисала обгоревшая рука с тяжелым металлическим браслетом.

Процессию возглавлял медбрат. Он направил игнарусов в процедурную, а сам повернулся к Эйлин:

— Ты еще здесь? А ну-ка, давай отсюда! И ты. — Он ткнул пальцем в Ноа.

Эйлин ничего не слышала. Факты не сходились, и она мучительно пыталась вспомнить, был ли браслет на руке Фрога сегодня, учитывая, что он не любил украшения. Кажется, нет. Другой шанс вряд ли представится — если она хочет выяснить, нужно действовать.

— Ноа, не дай ему меня остановить, — прошептала она.

Делагарди отрицательно замотал головой, выражая протест, но просьбу все же выполнил: он перегородил дорогу медбрата, закрывая Эйлин. Она, не обращая внимания на боль в ноге, метнулась к двери и в мгновение ока оказалась в перевязочной.

Ректор с осунувшимся лицом сидел на столе. Его голый торс покрывали старые бледные шрамы и красные пятна свежих ожогов. На животе красовался порез; доктор Стрегоне колдовал над раненым плечом.

При виде Эйлин мужчины в комнате удивленно переглянулись и замолчали, даже Флокс прекратил сыпать проклятиями. Она, ни секунды не раздумывая, бросилась к труп, лежавшему на полу, и сдернула покрывало.

Взору предстала ужасная картина. Сильнее всего у погибшего обгорели ноги. Чем выше к голове, тем меньше ожогов. Видимо, студент успел отвернуться, и та половина лица, которая оказалась закрыта от магического разряда, пострадала меньше.

Это был кто угодно, но не Винсент! От запаха горелого мяса, жуткого вида жертвы и одновременно облегчения Эйлин замутило.словно издалека, доносились ругательства подлетевшего к ней Флокса, кажется, он задавал ей вопрос; что-то квохтал доктор, но Эйлин уже не разбирала слов. Мир вокруг закружился; она сделала неудачную попытку ухватиться за рукав Гардена — и в следующее мгновение на нее обрушилась тьма.

* * *

— Просыпайся, ну давай же!

Кто-то тряс ее за плечо и не давал досмотреть сон. Может, оно и к лучшему: снился ей Бродик. Первое свидание с Ренненом, который перед пробуждением превратился в обгорелый труп и пробовал ее поцеловать.

Эйлин распахнула глаза. Возле койки стояли Лири и медбрат. Каменные стены, сырость... Она все еще в лазарете.

— Ты как? — взволнованно спросила Лири.

— Лучше, чем...

Чем кто? Эйлин села на койке и глубоко вдохнула, пытаясь расслабить сведенные напряжением плечи.

— Ты упала в обморок, и я предложил отнести тебя в палату. Сам и отнес. — Медбрат заулыбался одним уголком рта, и Эйлин глянула на Лири: странный он тип.

— Вы слышали, что произошло? — спросила Эйлин.

— Да-а, — протянула Лири, усевшись на край кровати и глядя на медбрата. — Мой дорогой спаситель доложил, но подробностей он и сам не знает. Вроде бы выброс магии, кто-то там получил пару ожогов...

Эйлин удивленно глянула на медбрата, во взгляде которого читалась мольба держать язык за зубами. Неужели он жалеет психику Лири?

— Но что стало причиной — неизвестно, — продолжала Вертиго. — Я так плохо себя чувствовала утром, что мне, по большому счету, все равно, магия там или чья-то шутка. У меня были такие мешки под глазами, что я чуть не расплакалась.

Медбрат обошел кровать и встал возле Лири, с обожанием на лице.

— Ты и через сто лет будешь прекрасна, — довольно сказал он.

Лири хихикнула и тронула его за рукав.

— Какой же ты льстец! — Она склонилась к Эйлин и прошептала: — Хотя если мне и понадобится сбросить пару годков, то я знаю, кто поможет. — Вертиго повела глазами в сторону медбрата.

Тот встрепенулся и приложил палец к губам, но Лири только пожала плечами:

— Не бойся, ей можно доверять.

— А учитывая, что я вообще ничего не понимаю, беспокоиться точно не о чем, — с иронией добавила Эйлин.

Кстати о тайнах. Уж кто-кто, а медбрат должен знать, что за аппарат стоит в комнате РЗ! И только она хотела задать вопрос, как Лири с видом заговорщика, глядя то на Эйлин, то на медбрата, начала шептать:

— У них есть прибор для изменения возраста. Представляешь? Правда, пользоваться им умеет только старикашка Стрегоне. Да и сам он уже на ладан дышит — я имею в виду модификатор, не лекаря. Хотя, и он тоже. Выглядит эта штука, конечно, жутко, как пыточное устройство...

— Или вертикально поставленный металлический гроб, — закончила Эйлин.

— Точно! А ты откуда знаешь?

— Да так...

Изменение возраста? Фрог и так выглядел чересчур молодо. Ему бы накинуть пару лет... Эйлин ахнула, осененная догадкой, вскочила с кровати и вцепилась в халат медбрата.

— В обратную сторону это работает? Годы прибавлять может?

Тот удивленно таращился на Эйлин и молчал. Лири рассмеялась:

— Успокойся! Обычный модификатор, таких много в мире — даже у моей бабушки в подвале стоял, но никто его в здравом уме не использует, потому что он убирает годы — вместе с годами жизни. А старше... не знаю даже, какой идиот захочет постареть.

Эйлин кивала, а сама судорожно пыталась сопоставить сведения. Ну конечно! Малыш

разительно отличался от остальных студентов, такой неженка, с холеными руками и невероятными мечтами... А уж эти его манеры!

В памяти всплыли слова, которые Винсент бросил вчера: «А чем я не принц?» Действительно. Эйлин похолодела: тогда выброс магии произошел очень вовремя и с очень подходящим наследником престола. Совпадение?

Лири продолжала сокрушаться о невозможности вечной молодости, разве что носить на лице иллюзию до конца дней, а медбрат спорил и уверял, будто такой одаренной природой красавице, как Вертиго, не о чем беспокоиться.

Эйлин молчала. Мысленно она видела синие глаза Фрога и то, как он ссылался на своего родителя: «Мой отец говорит, что к свету можно прийти только по дороге доверия». Ну какой оптовый торговец выдал бы такую пафосную фразу?! Почему она не выслушала Винсента? Его явно что-то терзало.

Один студент погиб, еще один исчез — так вот почему возмущался Флокс. Знает ли он, кто скрывался под маской тихого паренька-менталиста? И права ли Эйлин в своих подозрениях?... Ей вдруг стало стыдно за грубости, которые она наговорила вчера Винсенту. Или принцу Беренгару?

Теперь, чтобы извиниться перед Малышом, придется его для начала найти.

Над Пиковым поясом, словно насаженное на шпиль кратера, висело заходящее солнце. Во дворе все еще было светло, но вокруг — ни души. Галерея пустовала, отполированная до блеска; мраморный пол казался идеально ровным, без знаков магического вмешательства — наверное, игнарус уже успели привести все в первоначальный вид; доспехи так же висели на своих местах, позвякивая под порывами холодного ветра. Эйлин перегнулась через перила и исследовала глазами едва заметные рытвины в земле, оставленные ориасоками.

Если бы она своими глазами не видела труп, то могла бы решить, будто случившееся — один из ее кошмаров. Она медленно пошла вперед по галерее, представляя, что же произошло и кто позвал Винсента.

Как ни старалась Эйлин, а в общей картине кое-каких фрагментов не доставало. Например, как нападавшему удалось миновать стражей? И почему он решился на похищение? Да, в академии полно богатых наследников, и за любого можно просить выкуп. Но почему именно Фрог? Неужели Винсент и впрямь принц Беренгар? Каковы в таком случае мотивы преступника? Выкуп отпадает: только идиот станет так рисковать. Да, жизнь наследника бесценна, но под началом регента — самые опытные маги. Единственная награда, которую мог получить похититель, — казнь! Для чего крадут принцев? Чтобы заставить отцов-королей делать определенные вещи, например заключить союз или, наоборот, развязать войну. Но маги не воюют между собой.

Эйлин напряглась, вспоминая основы всемирной магической истории: между магами царит согласие в вопросах управления миром.

Она зашла в тупик в своих рассуждениях. А еще тот несчастный студент — кто он? Как оказался в галерее? Случайно попал под раздачу или был заодно с преступником? И что там делал господин Вейнгарт? А Флокс? Далеко же он оказался от своих «владений». А еще Ди Наполи, якобы «случайно» задержавшийся с дурацкой лекцией, во время которой все и произошло.

Вопросы нанизывались друг на друга, словно бисер на леску, и Эйлин не заметила, как оказалась рядом с орхидеями, мостившимися в декоративных продолговатых ящиках между колоннами. Именно здесь она видела неясные силуэты в тумане.

Удивительно, насколько выборочно магия обуглила предметы... и людей. Странно, только вчера такую же орхидею ей подарила флористка, но теперь насыщенный кроваво-красный цвет напоминал не о бале, а о трагедии.

Эйлин дотронулась до лепестков, и вдруг между листьями, нависающими над землей, что-то сверкнуло. Блик, оставленный предзакатным солнечным лучом. Она потянулась, раздвинула мясистые листья — и вытащила бордовый камешек, продолговатый, сияющий гранями. А может, это стеклышко? Как те, что используются в бижутерии.

Заслышав шаги и хриплое мычание, Эйлин обернулась: со стороны столовой к ней направлялся игнарус. Он тащил ведро и швабру и тихонько мычал себе под нос. Если бы Эйлин не знала о бесчувственности угрюмых серых слуг, то могла бы поклясться, что уборщик пел.

Зажав находку в кулаке, она прошла мимо игнаруса в столовую. Пожалуй, стоит поесть, если не хочет снова упасть в обморок, на этот раз — в голодный.

По углам спальни шушукались студентки, а в гардеробной и вовсе гудели, как пчелиный рой. Эйлин прислушивалась, ожидая самых нелепых версий о трагедии и даже упоминаний про принца Беренгара. Но, к ее удивлению, все обсуждали только прошедшую вечеринку: кто сколько выпил, кто с кем танцевал и целовался. Пару раз вспомнили о Ноэле и его победе в поединке стихий. Одна девчонка, кажется, из некроманток, увлеченно рассказывала подружкам о том, каким жгучим взглядом на балу смотрел на нее господин Вейнгарт. Те согласно кивали и томно вздыхали. Ничего себе! Не знай Эйлин ректора, спокойного и здравомыслящего, подумала бы, что речь идет о коварном соблазнителе. Вот же извращенки!

Почему никто не обсуждает взрыв магии? Они совсем, что ли, ничего не слышали? Стало даже немного обидно. Эх, спрятаться бы от этих глупых разговоров где-нибудь, да хоть в библиотеке. Но она уже закрыта.

Эйлин натянула пижаму и уселась на кровати. Долго перекатывала по ладони камешек, размышляя, как он попал в клумбу. Может, обронил похититель? Аккуратно зажав находку двумя пальцами, принялась рассматривать на свет. Что это? Какие-то царапины внутри, или даже метка. Эйлин схватила с тумбочки блокнот с ручкой и прорисовывала символ: треугольник, в нем треугольник поменьше, а в центре — точка. Этаким тайный знак, как у масонов.

Она сидела, скрестив ноги, и беспрерывно обводила треугольники. Рисунок чем-то напомнил лестничные пролеты на факультете прикладной магии. В голове пронеслись воспоминания: огненная воронка, студент, прижавшийся к стене, и огромная табличка с цитатой — наставлением студентам... Табличка! Точно! Витиеватый шрифт, треугольник вверх.

[Купить полную версию книги](#)